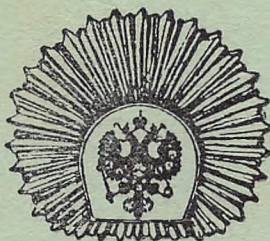

№ 52 год
ЯНВАРЬ 1962

ГОД ИЗДАНИЯ 11-Й

ВОЕННАЯ ГЛАЗ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Редакция журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ», с глубоким прискорбием, извещают о кончине своего дорогого сотрудника и друга генерал-майора

Павла Павловича БОГАЕВСКОГО

последовавшей 17 октября 1961 года в Риме.

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
Иркутские казаки — П. Н. Краснов	1
Виленцы в Полтаве — Г. В. Месняев	4
Австрийские трофеи Александрийских гусар — С. Андо- ленко	11
Русские инженерные войска — Н. Н. Р.	12
От Самары до Марселя — В. Рыхлинский	16
Поход и гибель линейного корабля «Пересвет» — К. Ива- нов-Тринадцатый (продолж.)	21
Свете Тихий — Н. Иениш	30
Лейб-Гвардии Московский полк	35
Воспоминания старого кавалериста — Эрик Гримм	36
Формоведение — Е. Молло	40
Обзор военной печати — А. Левицкий, А. Л.	42
Больной вопрос — И. Рубец	43
По поводу статьи Е. Молло «Знаки Отличия» — М. Лит- визин	44
Мой ответ Литвизину — Е. Молло	45
По поводу статей А. Левицкого и П. Пашкова	46
Материалы к библиографии русской военной печати за рубежом — Алексей Геринг (продолж.)	47

Подписная цена во Франции 15 нов. фр. с перес., в Германии 12 марок, в Англии и Австралии — отд. № 5 шил., год подп. — 25 шил., в Сев. Америк. Соедин. Штатах — отд. № 80 ц., год. подп. — 4 дол. 50 ц.

Всю переписку по Издательству направлять по адресу Редакции: 61, rue Chardon -
Lagache, Paris 16°

Почтовый Счет: «Le Passé Militaire» 3910 — 12 Paris

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ — 61, rue Chardon-Lagache Paris (16) MIR 72-55

11-й год издания

№ 52 ЯНВАРЬ 1962 Г.

BIMESTRIEL. Prix — 2,50 NF

РЕДАКЦИЯ ПОЗДРАВЛЯЕТ СВОИХ ДОРОГИХ СОТРУДНИКОВ,
ПОДПИСЧИКОВ, ЧИТАТЕЛЕЙ И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ С ПРАЗД-
НИКОМ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА И НОВЫМ ГОДОМ.

ОТ РЕДАКЦИИ

В 1903 году, в Санкт-Петербурге, была издана книга П. Н. Краснова — «По Азии», путевые очерки его путешествия через Сибирь и по Дальнему Востоку. Книга эта теперь уже является библиографической редкостью и потому мы позволим себе перепечатать, из имеющегося у нас случайного экземпляра, одну главу, описывающую быт и службу Иркутских казаков.

Жизнь этого маленького Войска была мало известна даже в наших военных кругах, посему мы полагаем, что этот очерк, написанный таким военно-литературным талантом, как покойный Петр Николаевич Краснов, представляет собой значительный интерес, освещая мирную жизнь и службу одного из наших доблестных Казачьих Войск.

Иркутские казаки

Не помню кто доказывал, что те чудеса, которые делали казаки в эпоху наполеоновских войн, в настоящее время немыслимы. Маленькие казачьи лошадки неспособны на шок и сами изведутся гораздо скорее, нежели изведут противника, сидящего на кровных пятивершковых лошадях. Признаюсь, тогда же мне было больно сознавать, что казачество отживает свой век и что недалеко то время, когда будут упразднены, как упразднены стрелцы, потом гусары, уланы и многие другие разновидности нашего войска. И мне казалось — нет ли тут ошибки, нет ли увлечения красотой больших лошадей, нет ли пристрастия к сражению, разыгрываемому на ровной местности, слагающе-

муся из ряда столкновений линии на линию. Казак создан для одиночного боя, жизнь его на коне и в степи приучили его к седлу и в седле казак прочнее и увертливее, нежели регулярный и тем более иноземный кавалерист. И мне опять слышались возражения — казаки отжили свое время и теперь уже нет тех людей, которые сроднились бы с лошадьёю.

Такие мысли неотступно лезли мне в голову, когда в холодный сентябрьский день, на грязном иркутском извозчике я ехал по размытой черноземной дороге, направляясь к заимке Шадрина.

Иркутская конно-казачья сотня состоит из иркутских казаков — потомков бывшего здесь

когда-то городского полка. В виду малочисленности их они не живут по станицам, но во время своего свободного пребывания приписаны к сельским обществам Иркутской губернии, подчинены старостам, старшинам и прочим деревенскими властями и совершенно смешались с русским населением. Долговременное пребывание их среди бурятов и приискового бродяжнического люда, тяжелая жизнь среди таежной глуши отозвались на их типе и половина казаков носит несомненно в себе не малую примесь монгольской крови.

Войско, состоящее в мирное время из одной сотни, в военное время из полка шестисотенного состава, затерявшееся и находящееся накануне реорганизации, принадлежит к числу любопытных явлений нашей мало исследованной, живущей больше на основании традиции казачьей жизни. Иркутские казаки служат через два года в третий по году. Приходит казак на службу в марте месяце и к марту следующего года он уже увольняется домой на два года, а через два года — он снова должен явиться на службу опять на год. Но подобно тому, как это сделано в Уральском казачьем войске, иркутские казаки могут выставлять вместо себя наемников из казаков же и, кажется, это ими широко практикуется. При подобных условиях службы весьма трудно подготовить в сотне же хороший кадр урядников и приходится довольствоваться непродолжительным их обучением. Большим подспорьем является для сотни то, что многие казаки, окончив год службы, сейчас же нанимаются на службу вновь и таким образом остаются на второй, третий, а иногда и больший срок службы. Однако, состав иркутской сотни, виденный мною, был моложав, без усов и бороды, худощав, стрижен по-солдатски, под гребенку. Иркутская сотня, составляя с резервным батальоном, юнкерским училищем и дисциплинарной ротой гарнизон города Иркутска, несет в нем службу кавалерии на совместных учениях, полицейско-разъездную, отправляет команды на прииски для предотвращения там беспорядков, сопровождает партии арестантов и несет службу в гарнизоне. Очевидно на ученья времени остается немного. В подобных же исключительных условиях комплектования и службы находится еще Красноярская казачья сотня...

Все это было мне известно, когда я проезжал по предместью города и шагом на усталой лошади направлялся в гору по плохой черноземной дороге, мимо густых зарослей мелкого березняка. Вдали на горах виднелись высокие деревья тайги, справа, с Байкала леденящий ветер нес обрывки черных туч. Вот показались бараки лагеря резервного батальона и училища, сад сзади них, вот довольно высокий соло-

менный барьер, павильон, украшенный флагами и зеленью для скачек, за ним чистое поле...

— Да где же они? — проворчал извозчик, буланая лошаденка которого совсем выбилась из сил.

Я оглянул поле. Привычный глаз тотчас заметил тонкую черточку развернутого строя сотни. Я бросил извозчика и пешком подошел поближе. Только что было дано «вольно опраться». Маленькие разномастные, но подобранные по взводам лошадки, с косматыми громадными гривами, стояли, опустив головы, и фыркали. Маленькие глазки их сердито косились по сторонам. Казаки в фуражках с желтыми околышами и с козырьками, надетыми на затылок и в теплушках без погон выглядели вольными наездниками. Фронт был низок вследствие мелкорослости лошадей и четвертый взвод на белых лошадях с затесавшейся между ними буланой резал ярким пятном... Но эта разношерстность конского состава, мелкорослость его, некрасивая обмундировка выкупались бравым видом людей, чистым равнением, всем напряженным подтянутым видом сотни. Словом, впечатление было выгодное для сотни, грозное, мелкорослость не была так заметна.

Сотенный командир производил учение, видимо довольный тем, что есть собрат по оружию, которому можно показать труды многих лет, с которым можно поговорить о темпе, о направлении, о равнении, о лаве, словом о всем том, о чем любят поговорить преданные своему делу военные люди...

Он увидел меня, подъехал, познакомил с офицерами и, предложив стать на горке, попросил для его практики изобразить начальство.

Пять тысяч верст разделяли шадринскую заимку от красносельского военного поля. Павильон, увитый зеленью, был вместо Царского валика, а вместо новопурского леса таинственно чернела угрюмая тайга. Было скользко на поле, едва покрытом затоптанной осенней травой, тучки с дождем налетали, кропили нас и уходили... Я был в сибирской глуши, возле таинственного Байкала, а предо мною все делалось так же, как не раз видел я, да и сам делывал на военном поле. Та же программа, рекомендованная «Наставлением для ведения занятий в кавалерии», тот же темп рыси, тот же мах намета... Может быть не так изящны были сигналы, подаваемые трубачем, старая сибирская труба басила; не так точно в одну секунду подымались сибирские маштаки в намет, но впечатление строя было столь стройное, что забывалось, что это Сибирь, что это часть, которая редко бывает в сборе, что тут нет соседей, у которых можно позаимствовать сноровки, поучиться приемам.

Но все это было знакомое... И вот развернулась в немую, рассыпалась на звенья лава... Нет, иркутские таежные казаки лишь виденных мною донцов и уральцев. Их крошечные, но сильные и мощные лошади словно маленькие свинцовые шарики катились по полю. Карьер короткий, частый, но быстрый, необыкновенно увертливый и грозный. Много слышал я о монгольских лошадях чудес, но, поклонник чистокровной, я считал эти чудеса обычными рассказами путешественников. Теперь я сам видел. Да — они делают версту в целых две минуты, но зато на этой версте они увертливы и поворотливы, как заяц, в сравнении с более быстрой, но менее ловкой борзой. Эта атака не спрокинет, не сшибет несущуюся стройную конницу, но о на озадачит ее своими быстрыми и непонятными действиями. Почти час носилась сотня по полю, не сходя с карьера, то рассыпаясь в лаву, то моментально по знаку сбиваясь в тесные кучки маленьких звеньев. И лошади не были в поту. И вот лава рысью ушла от меня далеко, версты на полторы. Длинная цепь маленьких лошадок скрылась за холмом. И вот скачут на меня. Скачут быстро, скачут маленькие, словно катятся по полю черные шарики... Стонет земля. Какой-то знак — секунда — и вот вся сотня упала... Лошади всех семидесяти двух казаков и восьми урядников с полного хода упали. Упали настолько одновременно, что даже не разравнялись. Я знал этот фокус джигитовки, я не раз видел, как долго крутилась лошадь, не желая падать на месте и казак уговаривал ее, я считал этот номер возможным лишь для показа, как обыкновенный кондитерский кунштюк смотровой джигитовки, но так, как он был сделан в иркутской сотне — это уже был серьезный боевой прием. Лошади легли так быстро, как ложится пехота, когда раздастся в конце перебежки грозный оклик — «стой, ложись». Секунда и уже затарахтели выстрелы лежащих казаков. Замылись, к великому негодованию командира, две лошади в третьем взводе... Две из семидесяти... Правильный огонь из-за положенных лошадей разгорался по всей стрелковой линии. Лошади лежали, как убитые. Ни одна не вздохнула, ни одна не дрогнула, не подняла головы... Стрельба длилась долго. И вот сотенный подал сигнал. Все встрепелось. Лошади вскочили — казаки уже на них; «за мной — на крест!»... Раздался страшный, особенный гик, какой-то дикий рев слышался в нем. Тайга говорила, тайга ревела и гикала, и настоящая угрюмая лесная тайга отвечала своим сынам дальним эхом. Уверю вас — шок был страшный, стремительный, тяжелый...

И я вспомнил обычные, чуть свысока, отзвуки о казаках далекой Азии.

— Китайцев то важно били, однако, — скажет кто-нибудь в защиту.

— Ну, что китайцы! Китайцы — это вздор...

Вообразим себе иностранную пехоту, в мундирах цвета хаки. Иркутская лава летит на нее со страшной скоростью. Пехота бежит. Лава близко... Пора... «Встать, в кучки, примыкай штыки!»! Сумятица. Страшного огня пехотного нет, но нет лавы... Длинная черная цепь чуть дымит и выстрелы звероловов-охотников без промахов бьют кучки... «Штыки долой! — стрелять»!.. — Нет стрелков, сверкнули шашки и грозная с гиком несется лава...

«Фантазия!», слышу я... Я знаю, что для того, чтобы убедиться в том, что это не фантазия, нужно видеть иркутскую лаву, нужно видеть поразительную быстроту кладки этих маленьких лохматых лошадок, с сердитыми, злыми глазами...

Я видел потом оборону в кругу, видел джигитовку, видел сбор сотни на карьере — все это было европейское, наше, как и у нас в Красном Селе. Одно было лучше — все и всегда целились и, говорят, на карьере редкий промахнется при стрельбе боевым патроном по однофигурной мишени...

Погода совсем испортилась. Я ехал верхом на маленькой томской лошаденке, делясь впечатлениями с командиром и офицерами. Сзади тенср выводит высоким голосом.

Ревела буря, гром гудел,
Во мраке молния блистала,
И непрерывно дождь шумел,
И ветры в дебрях бушевали.
В таежных дебрях камыша,
В стране суровой и угрюмой,
На низком берегу Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой...

Мы шли проселком через деревню к помещению сотни. Красивая каменная часовня с образами хорошего письма стояла между бревенчатых барачков. На дворе встретил дежурный, внутри железные койки, крытые серыми одеялами, кухня, сверкающая медью, дымящаяся ароматными щами, какие не снились ни Деко, ни Метрополю — иркутским рестораторам, пробная порция на столе, конюшня с табличками имен казаков на столбах, чисто вымытые полы, таблицы, портреты... Россия цивилизующая, Россия несущая чувство долга и дисциплины глядела со стен, глядела из умных глаз худощавого вахмистра и краснощекого дежурного. И приятно было сознание, что ни сибирские холода, ни маленькие до смешного лошади, ни удаленность от центра не ослабили власти этого центра в маленькой военной семье. И, когда все в Иркутске туго воспринимает рвущуюся на него по железной дороге цивилизацию, военный мир уже забрал переда и мощно рвется вперед... **П. Н. Краснов.**

Виленцы в Полтаве

I

К первому мая 1916 года, в Полтаву, для поступления в Виленское Военное Училище, съехались из разных запасных полков и батальонов, множество молодых людей в защитной форме, коротко стриженных, обветренных, огрубелых. Их, временно до приема в училище, разместили в каких-то старых цейхаузах на двухэтажных нарах. Все они уже привыкли к нарам, к тесноте, к духоте и к несекомым, забитых людьми казарм, к солдатским щам, хлебаемым из общей миски, к крутому ржаному хлебу, к мясной порции на деревянной палочке, вообще, ко всему тому, что отледало в те годы нелегкий быт солдата военного времени. Поэтому то, военное училище, даже очень строгое, каким слыло Виленское, — не только никого не пугало и не смущало, а наоборот, радовало, суля хотя и строгую, но упорядоченную жизнь.

На тенистой и тихой Монастырской, улице — типичной губернской архитектуры, здание полтавской духовной семинарии. За семинарским садом стелятся зеленые поля и холмы полтавщины. Само здание отделено от улицы железной решеткой, маленький палисадник, тротуар из каменных плит, в щелях пробивается трава. В этом здании размещен первый батальон (1, 2 и 5 роты) Виленского Училища. Второй батальон (3, 4 и 6 роты) рядом, в новом, более просторном и более светлом здании Епархиального училища. Оба здания отделены друг от друга недлинной улочкой, на которую выходят ворота из внутренних дворов обоих батальонов.

Полтава, город — сад, утопает в зелени старых лип, цветут вишни, сирень, черемуха; в садах цокают соловьи. Солнечно и радостно. Стоя перед училищем, приятно наблюдать, как из ворот, взвод за взводом выходят загорелые, в выпцветших от полтавского солнца, синих погонах с вытертыми галунами, юнкера. Час ранний и они отправляются в поле на учение, в зеленую долину у монастыря, где проходит плотно железной дороги, соединяющей оба полтавских вокзала.

Выправка, равнение, шаг, бодрое пение, — все особое, юнкерское, строгое и безукоризненное, то самое «виленское», о чем много говорилось в запасных батальонах, в предвидении отправки в училище. Офицеры, идя в строю, зорко следят за своими, уже хорошо вы-

школенными питомцами, которые через месяц станут прапорщиками.

Строй, команды, ученья — не новинка для подавляющего большинства поступающих: почти все прошли курс солдатского обучения в запасных частях, многие кончили учебные команды, некоторые носят унтер-офицерские нашивки. Но, в юнкерах имеется нечто отличное, какие-то особые черты, делающие их — даже несмотря на короткий срок нахождения в училище — людьми особого военного склада, особого духа. Почему это так и почему всякое военное училище очень скоро накладывало на каждого новичка свой особый отпечаток, — нетрудно было понять, переступив училищный порог и увидя в вестибюле, вывезенный из Вильны, бронзовый бюст Императора Александра II-го на постаменте.

Еще легче понять юнкерскую сущность, став в строй, скажем, пятой роты, выстроенной утром в бывшем семинарском, а теперь училищном зале, отделенном от церкви, широкими дверями. Портреты трех Императоров в тяжелых золотых рамах; знамя в чехле с часовым, берущим по-ефрейторски на караул проходящим офицерам; строгий порядок, тишина — все это свидетельствует о том, что в условиях военного времени, подготовка офицеров идет с той же неуклонной настойчивостью, терпением и высоким искусством, которые прославили Виленское военное Училище со времен ген. Адамовича. В наши дни, его в училище уже не было: он командовал полком на фронте, но его дух, его заветы, правила и идеи, — продолжали жить и живо ощущаться во всем училищном быту. Передавались красочные рассказы о нем, читались его приказы, пелся, им введенный, если можно так сказать, училищный гимн на слова К. Р. «Наш полк, наш полк — заветное, чарующее слово!». Внедрялись всем училищным духом, в сознании новых юнкеров, девизы: «К великому и светлому знай верный путь!» «Виленец один в поле — и тот воин». И в отсутствии ген. Адамовича, все это тщательно поддерживалось прекрасным кадром училищных офицеров. Начальником училища в наши дни был генерального штаба полковник Анисимов, человек малозаметный, с юнкерской точки зрения «шляповатый». Он редко появлялся и мало влиял на юнкерскую жизнь.

Зато виленцем самой чистой воды, был полковник Чернов. Он то и наблюдал за тем, чтобы в училищных стенах, на новом месте, в особый период жизни училища, — не слабел и

не рассеивался виленский дух. Элегантный, старый холостяк, лысеющий и коротко остриженный, с тугими усами, с каким то кавалерийским изяществом, хотя он и был природным пехотинцем (170 пех. Молодечненского полка) — он представлял собой образец виленского училищного офицера. Насколько было возможно, в крайне короткие сроки обучения военного времени, — он всеми мерами стремился к тому, чтобы внедрить в сознание будущих прапорщиков, хотя бы малую долю того, что носило печать «виленства».

Как то, в очень знойный полтавский день, наш взвод, утомленный, запыленный и пропотевший, возвращался с полевого учения. Все были истомлены, винтовки оттягивали плечи, тяжелые сапоги тяготили ноги. Хотелось скорей освободиться от них, растянуться в палатке на койке. Взвод шел молча, озабоченно, угрюмо. На углу, на повороте к училищу, мы увидели полковника Чернова. Он стоял на краю тротуара, заложив руки на спину и поглядывая на нас несколько иронически. — «Взводный, что случилось?» — спросил он строго. «Почему нет песни?.. Виленцы всегда поют, при всех условиях.. Песню!..» «Колелеблются грозно знамена, гремят барабаны кругом, в коварное царство тевтона мы смело и гордо пойдем!» — грянула песня и дух уныния испарился.

... Итак, пятая рота выстроена для осмотра и утренней молитвы. Требовательный, знающий себе цену фельдфебель, с золотой поперечной лычкой на погоне, внимательно осматривает новых юнкеров. — «Побриться надо!», «Затяните пояс!», «Плохо вычистили бляху, в следующий раз получите наряд»... Для некоторых из прибывших со стороны все это странно и ново: женатые люди, опытные семейств, кончившие университеты, студенты, — как бы возвращаются в давние школьные дни.

— Господин фельдфебель, разрешите стать в строй!»

— Почему опоздали?

— Оправлялся!

— Становитесь! Взводный второго взвода! Запишите юнкеру Смирнову наряд вне очередь.

— Смирно, равнение направо! Ротный командир капитан Муратов. Статный, жгучий брюнет, южного типа, с кольцами закрученных, черных, как смоль, усов... Спокойный, корректный. Одет, как все училищные офицеры, безукоризненно по форме. Никто из них не носил модных тогда френчей, бриджей, галлифэ и проч.

Короткий, четкий ответ на командирское приветствие. Очень внимательные глаза командира пробегают по новым лицам. Как будто все в порядке.

Рота по лестнице спускается в столовую.

Дежурный фельдфебель — портупей-юнкерский тесак с офицерским темляком, три белых лычки — вытянулся в струнку.

— Батальон, смир-н-но! — командует он при входе дежурного офицера. Сдержанный гомон, гул голосов, звяканье посуды. Перед образом горит красный глазок лампы. На столах приготовлены бутерброды с сыром для идущего в поле старшего курса — он не будет завтракать в училище. Младший же курс после завтрака идет на лекции.

Темновасые классы, через которые, наверно, прошло не одно поколение семинаристов. Тактику читает наш батальонный командир подполковник Бутурлин. Он из того же виленского теста, из которых вылеплены и все другие училищные офицеры, спокойный, выдержанный, тщательно одетый. Преподаватель он не требовательный, вероятно, потому, что знает и состав аудитории, на три четверти состоящий из людей, не имеющих среднего образования и то, что за четыре месяца учения многому не научишь. Читает он хорошо и понятно, но, в дальнейшем, когда мы втянулись в строевые занятия, слушание лекций и его, и всех других преподавателей представляло собой исключительно трудное испытание. Постоянная физическая усталость и недосыпание сказываются немедленно. Не успевал лектор развить свои мысли, как мягкая истома начинает баюкать усталые мозги, веки сами собой смыкаются, голос лектора уплывает в какую то даль, тело мякнет. Страшным усилием воли стряхиваешь с себя оцепенение. Сколько оно продолжалось? Успел ли Бутурлин заметить, что сидящий на передней скамье портупей с университетским знаком вдруг клонул носом? Может быть и заметил, но он хорошо знает, как тяжело достается юнкеру военного времени его учение и по своей благожелательности, вероятно делает вид, что ничего не заметил.

Даже очень сокращенный курс наук в училище, для многих представлял непреодолимые трудности. Артиллерия, топография, фортификация — все это многим кажется самой сложной, непонятной и неодолимой мудростью. Впрочем, и преподаватели, в свете всего нового, что дает длящаяся война, по иному стали смотреть на то, что они преподавали много лет юнкерам. Например, преподаватель фортификации, старый, кадровый виленец, побывав на фронте специально для того, чтобы проверить применение своей науки на практике. Вернулся он из командировки положительно потрясенным. Куда делась вся красота парапетов, траверсов и прочих сооружений, которые с такой красивой точностью смотрели со страниц учебников и с безукоризненно, с любовью вычерченных на классной доске, чертежей? Беспорядочные, неправильной и неожиданной фор-

мы, окопы, ходы сообщений, блиндажи, не имеющие ничего общего с тем, что он преподавал, — все это привело в ужас старого знатока старой фортификационной науки. Он не скрыл своего разочарования перед нами, откровенно заявив, что на всем, чему он учил раньше, надо поставить крест.

Лекции длились до завтрака, до 11 часов. Таким образом, целых три часа приходилось, напрягая все силы, бороться с дремотой, а это было, пожалуй, тяжелей, чем делать перебежки под жарким южным солнцем или во время ночных занятий пробираться в чаще кустов, разведывая пути «противника».

Впрочем, в те дни, лозунг — «все для победы!» стоял превыше всего. Да, и победа как раз, тогда повернула свое прекрасное лицо в нашу, русскую сторону: шло победоносное «брусиловское» наступление. Поэтому то всякий чувствовал, что надо крепится и терпеть.

Картинный и молодецкий, щеголявший своим красноречием, командир второго батальона, подполковник Зеленин, высказал эту мысль, восклицая перед застывшим строем своего батальона

— Когда Государь Император выйдет на поле битвы и скомандует «Вынь патроны!», — прозвучит отбой и все вернутся, по своим домам. А до тех пор надо учиться, работать, не покладая рук.

Слова эти производили впечатление, отвечая общему настроению.

II.

Простая, полевая дорога, поросшая подорожником и мелкой кудрявой травкой, идет от Полтавы к месту Полтавской битвы. Кругом матовая зелень начинающей колосится пшеницы, полевые цветы, пенье жаворонков в далекой выси, там, где на жарком небе лениво ходят кудрявые облака. Белые хатки, плетни, вишневые садожки. Сворачивают с дороги возы, лениво влекомые круторогими волами, понукаемыми флегматичными «дядьками» в соломенных брилях. Зной, тишина, ленивая истома...

С громкими, бодрыми песнями, в свежих погонах, с винтовками на плече, идут новые вилены на поле Полтавской битвы для принятия присяги. Увы, строй уже не украшают грозношлетинящиеся штыки: они все на фронте. Да и винтовки неоднородны: часть русских трехлинейных, образца 1891 года, часть английских.

До места Полтавского сражения верст восемь; идти с коротким привалом, часа два с лишком. К полудню, наконец, открывается оно, это, славное, заветное поле русской славы и русской чести. Окаймленное вдали голубоватой кромкой дальних лесов и садов, оно расстилается широкой равниной, на которой тут и

там белеют, возведенные недавно, в дни празднования двух-сотлетия Полтавского сражения, колонки, означающие места прежних редутов. Величественно высит громадный холм, увенчанный трехсаженным гранитным крестом. Он зелен, к верхней гранитной-же площадке с обеих сторон ведут лестницы с железными решетками. Это-то и есть т. наз. «Шведская Могила», в которой, на самом деле покоятся вовсе не шведы, а русские воины — герои Полтавы. Рядом белая церковь с золотыми куполами во имя св. Сампсона Странноприимца (память его празднуется 27 июня) и музей. В нем зеленые мундиры петровских полков, трехуголки, каски, громадные ружья, такие же штыки, заржавленные мячики — бомбы, гранаты и другое, что безмолвно говорит о «славе прошлой». Все это волнует, трогает, рождает высокие чувства.

Нерольно обращается мысль к давним, петровским дням, и, в частности к тому дню, первому после Полтавской победы, когда Царь самолично хоронил верных воинов, павших на поле брани. Рано утром после сражения — гласит отечественная быль — начали копать могилы для убитых. Во время отпевания сам Государь пел с певчими, и часто голос его дрожал от сдерживаемых слез. Потом, обращаясь к лежащим в братских могилах своим соратникам, Государь взволнованно сказал: «Храбрые воины, за благочестие, отечество и род, души положившие! Всем,¹ яко венцами, вы увенчались и у праведного подвижника Господа дерзновение имаете: споспешествуйте мне в праведном оружии всем против врагов отечества и благочестия, молитвами вашими да возможем в мире прославить Бога и ваши подвиги!» Затем Государь трижды земно поклонился усопшим и могилы стали засыпать. На могильном холме Император Петр собственноручно воздвигнул крест с надписью: «Воины благочестивые кровию венчавшиеся лета от воплощения Бога Слова 1709, июня 27».

Эти слова и ставшие знаменитыми, другие петровские слова: «а о Петре ведайте, что ему жизнь его не доросла, только бы жила Россия», — читаем мы теперь, находясь на этом святом месте, в виду громадного креста, венчающего братскую могилу.

Там же, на одной из сторон памятника надпись: «Погребены бригадир Флейнгейм, полковники Нечаев и Лов, подполковник Козлов, майоры Кропотков, Ерст и Гельт, обер офицеров сорок пять, капралов и рядовых тысяча двести девяносто три. Всего погребено 1345 человек».

С грустью и благоговением читаются имена, и, как всегда в таких случаях, хочется представить себе, какими в жизни были и бригадир Флейнгейм, и полковник Нечаев и те неизвестные обер-офицеры, капралы и солдаты,

которые вот уже два века спят под этим могильным холмом. И вот, теперь, и мы, их потомки, идущие по тому же нелегкому пути воинского долга, по которому шли и они, пришли сюда для того, чтобы на их костях дать клятву верности «отчизне славной, великому Царю и вере православной».

С высоты могильного холма, наш училищный священник о. Георгий Спасский, красивый, с матово бледным лицом, обрамленным черными кудрями и бородой, — с глубоким чувством, вдохновенно читает святыя слова. Он, о. Георгий, недавно напутствовал в Вильне смертельно раненого Князя Олега Константиновича: он пламенный проповедник, своими словами, жгущий людские сердца. В Виленском училище во время церковных служений, как бы продолжительны они не были, юнкера стоят все время в положении «смирно»: ни повернуть головы, ни отставить или ослабить ногу — было невозможно. При таких условиях, слушать даже такие необыкновенные проповеди, которые говорил о. Георгий, — было нелегко.

Сейчас, конечно, во время принятия присяги перед памятником Российской военной славы, — все несколько иначе. Об усталости нет и речи. Минуты торжественные, возмущающие душу, оставляющие в сердце глубокий след. Ласковый весенний ветерок чуть колеблет старое знамя, овеивает непокрытые, стриженные головы юнкеров, струйкой поднимает голубой кадильный дым.

Потом, по полтавскому полю, широко и мощно, как славословие к петровским полкам, проливавшим некогда свою кровь на этом поле и тем полкам российской армии, которые льют ее сейчас на всех участках громадного фронта, несутся волнующие слова чарующего гимна: «Наш полк, наш полк, заветное чарующее слово!» Начальник училища поздравляет юнкеров с принятием присяги «Государю Императору, ура!»

— «Ур-а-а!, ур-а-а» — вторит эхо громкому клику.

Позже, в соседней роще, где устроен привал и дается походный завтрак, к начальнику училища вызываются юнкера, предназначенные для фельдфебельского и портупей-юнкерского звания. Они выстраиваются в длинную шеренгу, вытянувшись в струнку. Будущие фельдфебели производятся в старшие, а взводные, в младшие портупей-юнкера. Такое производство для начальства — дело не легкое. Из массы новых людей, пробывших в училище всего один месяц, надо угадать, распознать и выделить достойных. Раздумывать и взвешивать некогда; решать надо быстро. Впрочем, наметанный глаз училищных офицеров опи-

бался редко: как правило — назначения на начальственные должности были удачные.

По тем же, но уже вечеряющим полям, училище возвращается в Полтаву. Великаны первой роты, усатые, мужественные, крепко отбивая ногу, поют о двух грендерах, бредущих из русского плена; вторая рота (командир щеголеватый капитан Мириманов, бывший московский грендер), звонко, молодецки, поет давнюю, подмывающую песню: «Взвейтесь соколы, орлами, полно горе горевать! То-ли дело под шатрами в поле лагерем стоять!», а наша, пятая рота, в тон тихому вечеру поет с чувством: «Белой акации, гроздя душистые вновь ароматом полны...» Розовый отсвет вечерней зари, золотистые облака, мир и тишина свежих полтавских полей и слова этой песни, — навевают привычные, молодые мысли о том немногом, что уже прожито, и о том большом, таинственном и грозном, что ждет нас за порогом училища.

Вечером, как бы подтверждая глубокую значительность всего пережитого в этот день, — в приказе по училищу объявлялось, полученное от командира Н-ского полка, сообщение (такие сообщения получались сплошь и рядом) о том, что виленец такого-то выпуска, имя рек, такого-то числа и месяца, пал в бою смертью храбрых. Как всегда, сообщение это, в приказе заканчивалось словами: «Вечная память тебе, славный виленец!». Итак, еще один виленец честно выполнил свою присягу! Не так-ли должны будем и мы поступать в свое время?

**

1-го июня прибыло новое пополнение в училище. Мы, пробыв в нем всего лишь месяц, делались уже старшими юнкерами. Через два-три дня после прибытия новых, некоторые из нас производили на мощном училищном дворе шереножное учение с вновь поступившими, главным образом, со студентами, уже сменившими свои студенческие тужурки с путейскими и горными наплечниками на защитные рубахи. Надо сказать, что за единичными, очень редкими исключениями, студенты очень скоро поддавались воздействию училищного духа и училищных порядков: свободомыслие и либерализм, обычно, очень быстро улетучивались. Юнкерская закваска делала свое дело. Что же касается основной массы, пополнявшей в те дни училище и состоявшей, главным образом, из людей, окончивших учительские институты и даже учительские семинарии, т. е., из людей не очень искушенных в важной премудрости и неотличавшихся большой светскостью, то этот контингент представлял собой очень хороший материал для военной школы. Все они, как правило, были очень исполнительны и лишены всякого поползновения к «лов-

ченью». Поговорка, «ловченье — свет, неловченье — тьма», — в Виленском училище в ходу не была.

Одновременно с переводом нас в разряд старших, было объявлено, что наш прием останется в училище еще на один месяц, т. е., пройдет в нем не четыре месяца, а пять. Для вновь поступивших, впервые за все военные годы, срок обучения установился в 6 месяцев.

Это, помимо всего прочего: вступления в войну Италии, победоносного наступления на юго-западном фронте и общего сознания своей силы, — свидетельствовало о том, что критические для русской армии дни, когда совсем зеленые прапорщики, только что прибывшие на фронт, командовали не только ротами, но и батальонами, уже прошли. Однако, продление срока обучения даже на месяц — ведь, во время войны, месяц большой срок — вызвало у многих чувство разочарования и опасения того, что они не успеют к окончательной победе, к взятию Вены и Берлина. Было ли такое разочарование общим, и было ли стремление на поля битв господствующим в юнкерской среде? На этот вопрос ответить не легко. Надо иметь в виду, что училища военного времени, по своему составу были иные, нежели в мирные времена, когда они пополнялись либо однородной кадетской массой, связанной единым духом и едиными патриотическими настроениями, либо молодыми людьми, шедшими на военную службу по призыву и по душевному тяготению к ней. В военное время в училища шли в порядке повинности, выполняя тяжелый долг, который война накладывала на каждого русского человека. Потому-то, думаю, что среди юнкеров описываемого времени, не могло быть полного единства настроений, стремлений и взглядов. Однако, вспоминая общие разговоры на привалах, в палатках, в столовой, беседы с отдельными юнкерами разных положений и состояний, отдельные высказывания и мнения — мне казалось тогда, что и в условиях военного времени, сохранилась та основная душевная струя, которая объединяла юнкеров в их приверженности к России, в их готовности выполнить перед ней свой долг. Недаром же, в революционные дни, когда русские люди испытывались в своей верности отчизне кровью и потом, — юнкера краткосрочных курсов, в своем большинстве, оказались в числе верных. Не знаю, как в этом смысле обстояло дело в Полтаве в эти дни и каков был конец Виленского училища. Кажется, положение его было осложнено, помимо общих тяжелых условий, тем, что Полтава стала местом кипения украинских самостийных страстей, что, вероятно, делало положение училищного начальства и верных юнкеров — нелегким.

Пока же в описываемые дни, никому из

нас даже отдаленно не мерещилось то, что стало страшной явью менее, чем через год. И, когда фельдфебель, окончив вечернюю переключку, рапортовал ротному командиру: «Г-н капитан! В пятой роте во время вечерней переключки, все юнкера, за исключением находящихся в карауле, оказались налицо. Разрешите петь гимн!», и торжественные звуки гимна неслись в вечерней тишине, для всех было бесспорно не только то, что иначе и быть не может, но и то, что так будет всегда, пока жива Россия. Однако, будущее показало, что в мире нет ничего вечного и незыблемого, кроме Бога и Его воли.

III.

В начале июня мы вышли в лагерь. Собственно говоря, наш переход в палатки на лагерное положение «выходом» назвать было нельзя, ибо лагерь был расположен буквально через улицу, против училищных зданий на большом плацу Петровско-Полтавского кадетского корпуса, почти в центре города. Корпусное здание массивное, украшенное благородной коллонадой и фронтом с николаевским орлом, выходило на небольшую площадь, в центре которой высилась стройная колонна, на вершине коей зиждился орел, держащий в клюве лавровый венок. Это был памятник, сооруженный в честь полтавской битвы: орлиные очи и венок в хищном клюве были обращены в ту сторону, где находилось поле полтавского сражения. С корпусом и кадетами мы никакой связи не имели. Впрочем, тогда шло каникулярное, летнее время и кадет в корпусных стенах, наверное, не было. Но, будучи когда-то кадетом и хорошо зная кадетскую психологию, — я не сомневался в том, что никакой связи между кадетами и юнкерами не-кадетского училища, и быть не могло. Из песни слов не выкинешь, таковы были кадетские умонастроения!

Кадетский плац был очень обширен: он без труда вместил в себя все 6 рот. Он был обсажен тенистыми липами вдоль всех четырех стен забора и как раз впереди этих липовых аллей были установлены белые юнкерские палатки. Одна из длинных сторон прямоугольника, образовавшего плац, там, где тянулась каменная стенка кадетского тира для стрельбы, была свободна от палаток: там была училищная лавочка, умывальные, уборные, а вправо в углу, ближе к правому флангу первой роты, палатка дежурного по училищу офицера. В центре плаца, под специально выстроенным навесом, стояло знамя, рядом часовой, а несколько сзади палатка для караула.

В 6 с половиной часов утра горнистами или барабанщиками игрался подъем. Начальствующие лица из юнкеров должны были подымать-

ся раньше, с повесткой, и к общему подъему должны были быть уже вполне готовыми. Некоторые офицеры любили проверять готовность взводных к моменту подъема, и сплошь и рядом, при первых звуках подъема по лагерю несли зов: «Взводные, к дежурному офицеру!». Поправляясь на ходу, изо всех углов лагеря, взводные портупей-юнкера стремились для того, чтобы предстать перед требовательными офицерскими очами.

Для утренней и для вечерней молитв все роты сходились к центру плаца, имея впереди знамя и караул при нем. Особо торжественно и таинственно звучала вечерняя молитва. Занималась, воспетая Пушкиным, украинская ночь. На темном небе зажигались далекие звезды, выплывала луна, вечерний воздух дышал прохладой и ароматом цветущих лип. Без малого тысяча молодых мужских голосов, стройно и мощно, возносила ввысь к звездам молитву Небесному Царю. «Отче наш, иже еси на небеси» — задумчиво и проникновенно, навевая серьезные думы о Боге, о жизни, об идущей войне, — звучали святые слова в тишине летнего вечера. Потом пелся гимн, и, вслед за ним, роты распускались; усталые юнкера растекались по палаткам. Как приятно было растаяться на чистой простыне, как приятно было, ежась от утренней прохлады, натянуть на себя одеяло, или проснувшись среди ночи, когда от палатки тянется черная лунная тень, прислушаться к шагам дневального и подумать о том, что до подъема еще не скоро.

На лекции и в столовую мы ходили по-прежнему в училищное здание. Только лекции по пулемету происходили в лагере на открытом воздухе. Пулемет преподавал гроза всех юнкерсов, капитан Анненков, крайне строгий, раздражительный, желчный, несдержанный. Он буквально приходил в ярость, когда вызванный им, трепещущий юнкер не мог выполнить его требовательного приказа. В училище, для учебных целей, был только один пулемет. Пробыться к нему было очень нелегко, а потому понятно, что пулемет знали плохо. До тех пор пока пулеметный курс включался в артиллерию — беда от неудовлетворительного балла по пулемету была не очень большая: неудовлетворительный балл покрывался баллом по артиллерии. Но когда пулемет выделили в самостоятельный предмет, дело приобрело трагический оборот. Анненков неистовал, неудовлетворительные баллы сыпались, как из рога изобилия. Но самое неприятное было в тех язвительных и несдержанных разносах, которые учинял нетерпеливый преподаватель над теми, кто не мог толково рассказать и показать, как, например, устранить пулеметные задержки.

— Что это вам игра, что-ли? Перед вами противник, а вы не знаете, как подступить к

пулемету! Безобразие! Не допущу вас до производства!» — кричал он в бешенстве.

На наше счастье, капитан Анненков, в середине лета, вместе с другими училищными офицерами (капитан Барышев, штабс-капитан Крашениников, подпоручик Брежнев и другие), уехал на фронт. По пулемету нас экзаменовал Добровольский, спокойный и доброжелательный. Экзамен прошел вполне успешно. Вместо уехавших, прибыли с фронта боевые офицеры, которые принесли с собой вместе со своим боевым опытом, и несколько иное отношение к юнкерам: более простое и душевное. Кстати, в это время, все кадровые виленские офицеры стали числиться по гвардии.

Между тем, время незаметно подходило к осени. Понемногу сдавались репетиции, заканчивалась программа строевого обучения, проходили ночные занятия, маневры, стрельба. Стреляли мы мало, раза два-три, причем не по мишеням, а по площадям. Инструментальной съемки не было, только глазомерная. Одним словом, обучение очень упрощенное, получаемые знания минимальные. Хорошо изучались уставы, но, если память не изменяет, не все: кажется, не учили устава гарнизонной службы.

Маневры производились в самый последний месяц нашего пребывания в училище. Было уже прохладно и мы были в шинелях, причем для отличия от «противника» наш батальон был в безкозырьках. Глаз, привыкший к однотонности защитных цветов, радовался забытым золоченым пуговицам шинелей, синим погонам с галунами и лентой алых околышей бескозырок. Как будто вернулись довоенные золотые дни военных училищ с их щеголеватостью, горделивой стройностью и четкостью. Это чувствовали и юнкера, выстроенные на мощном дворе училища, подчеркнутой отчетливостью ответившие на приветствие ротного командира капитана Муратова, и он сам, как будто с особым удовольствием окинувший взглядом свою молодецкую роту.

Маневры в окрестностях Полтавы, на берегу исторической Ворсклы, были неутомительны и приятны. Ласково грело солнце, плели и золотились леса и речные заросли, и лежа в тени вдоль шоссе, на котором, окруженный офицерами, начальник училища разъяснял задания — можно было не только немного отдохнуть от долгого марша, но и насладиться созерцанием осенних полей и прислушаться к курлыканью высоко летящих журавлей. Можно было и подумать о близящимся производстве, которое сулило короткий, в несколько дней, отпуск, поездку домой, некоторые удовольствия, а главное, хотя только прапорщичество, но все же офицерское положение. Что за беда, что погон украсит только одна звездочка! Ведь на позиции уже через четыре ме-

сяца производство в подпоручики, и тогда две заветные, непререкаемо — офицерские, звездочки засияют на красном или синем просвете армейского погона. В запасном полку в Москве, куда есть возможность выйти, хотя и очень трудная служба, но все же можно найти вечер, чтобы побывать в опере или поужинать в «Праге».

Разборка вакансий — момент в старое время, имевший такое большое значение, в училищах военного времени, проходит бледно и буднично. В конце концов, не все ли равно, в каком запасном полку побывать три-четыре месяца до отправления на фронт. Конечно, лучше прослужить это короткое время где-нибудь вблизи родного дома, в столице, в Крыму, чем в каком-нибудь уездном захолустье. Но, это, ведь, не на всю жизнь! Впрочем, никто не хочет выходить в Казанский округ, где бушует знаменитый генерал Сандецкий.

В середине сентября переходим из палаток в зимнее помещение. Пятый месяц, дополнительный, нашего пребывания в училище, как будто даже лишний: он не очень заполнен занятиями. Повидимому, программу свою, рассчитанную на четыре месяца, мы выполнили. Напряжение, которое чувствовалось все предыдущие месяцы, как будто ослабевает. Стало больше времени, стало спокойнее и свободнее. Удалось даже, пользуясь снисходительностью добряка училищного врача, маленького, толстого и круглого (подстать ему был такой же короткий и круглый старый училищный фельдшер) — несколько дней понежиться в пустом лазарете, поспать вволю, почитать, поболтать с приятелями.

Наконец, настал канун производства. Как всегда, после переклички объявлялся наряд на следующий день. Но, на этот раз, взводные выпускных взводов, первого и второго, со скрытым удовольствием, отрапортовали: «На 1-е октября от первого (и от второго) взвода — наряда нет!». На следующий день нам, выстроенным в училищном зале перед церковью, начальник училища объявил о том, что Высочайшим приказом по военному ведомству мы произведены в прапорщики армейской пехоты. Он поздравил нас с производством; прогремело ура Государю Императору, в последний раз прозвучали звуки училищного гимна: «Наш полк, наш

полк, заветное, чарующее слово». Мы быстро сменили на своих защитных гимнастерках синие юнкерские погоны на золотые офицерские. В церкви отслужили молебен, священник роздал нам маленькие серебряные образки с изображением покровителей училища св. св. Космы и Дамиана, — благословение Виленского военного училища на предстоящий нам тернистый и тяжелый путь.

Волею судьбы мне только краем и мимолетно довелось коснуться этого училища. Однако, я полностью почувствовал и оценил в высокой мере суровый мужественный дух, коим оно было напитано. Училищный девиз — «К высокому и светлому знай верный путь!» — много говорил моему сердцу. Девиз этот, в сущности, мог быть полностью отнесен ко всему тому верному и непоколебимому, что составляло основу славной и могущественной Российской Империи. Виленское военное училище, как и другие, было одним из тех гранитных камней, на которых эта Империя зажилась.

Поэтому то, полученный мною при производстве черно-белый училищный знак с вензелями Императоров, с изображением рыцаря на коне и училищным дивизом, — я принял с благодарностью и гордостью, ибо он приобщал меня к славной когорте виленцев, немало послуживших Царю и Отечеству.

Позже, на полевом перевязочном пункте, когда снятая с меня окровавленная гимнастерка с виленским знаком, чуть не была выброшена в груды кровавых отбросов, — я вспомнил об этом знаке. Сестра милосердия отстегнула его и отдала мне. Он сопровождал меня и в лазаретах и в испытаниях гражданской войны. Утерян он был мною уже позже, при печальных обстоятельствах. Но память о нем и о всем том, что духовно с ним связано — жива. Об этом свидетельствуют эти самые строки, в которых я постарался, хотя бы отчасти, по мере своих сил, восстановить далекие картины последнего года жизни славного Виленского военного училища.

Строки эти, с братским чувством посвящаю здравствующим ныне, рассеянным по всему свету — виленцам.

Г. В. Месняев.

Австрийские трофеи Александрийских гусар

ПАМЯТИ
СЕРГЕЯ
АЛЕКСАНДРОВИЧА
ТОПОРКОВА

8/20 сентября 1812 г., при нечаянном нападении конного отряда генерал-адъютанта графа Ламберта у с. Несевичи, Александрийские гусары отбили три австрийских штандарта 3-го легко-конного полка Орелли.

В русской военной истории это был первый случай отбития в бою австрийских знамен. До 1914 г. он оставался единственным.

Действительно, при несомненном отсутствии взаимных симпатий, русские и австрийские войска неизменно сражались бок о бок и кроме обоюдной комедии 1809 г. случая помериться в бою, до 1812 г., не было.

Эпизод этот не был еще достаточно освещен в исторической литературе и во всяком случае о судьбе этих штандартов не было как-будто никаких данных.

Об этом деле, граф Тормасов доносил Кутузову:

«8-го сентября... гр. Ламберт, узнав от пленных, что того-же дня должен придти в селение Несевичи с кавалерийским отрядом австрийский генерал Цейхмейстер, не медля ни мало, отправился туда с частью своей кавалерии и перед рассветом, напав на неприятельский лагерь, разбил неприятеля и обратил его в бегство. При сем деле взято в плен: шт. офицеров 1, обер-офицеров 8, рядовых 150, лекарей 3 и три штандарта легко-конного полка Орелли. В сем деле особенно отличились: командовавший ген. адъютант гр. Ламберт, гвардии лейб-Гусарского полка полковник князь Багратион и Александрийского полка поручик граф Буксгевден, который, при случае, командуя полу-эскадроном, взял у неприятеля сии штандарты. Я справедливо считаю доставить ему счастье поднести сии Его Императорскому Величеству. Покорнейше прошу у Вашей Светлости удостоить его, яко храброго офицера, сего отличия».

В своей истории войны 1812 г. Михайловский-Данилевский пишет:

«Один эскадрон полка Орелли, с тремя штандартами, продвигался по дороге, которую перерезал взвод Александрийских гусар, под командой поручика гр. Буксгевдена. Офицер не успел подать команды, как его гусары сами бросились на австрийцев и отбили их три штандарта.»

К несчастью, полковая история не сохранила имен гусар, которые, действительно, отбили штандарты. Они, без сомнения, существуют в русских архивах, но извлечь их из забвения никто еще в России не удосужился.

Взятие штандартов в бою — большой подвиг, за который обыкновенно награждали не только тех, кто этот подвиг совершил, но также и полк, форму которого они носили.

Александрийские гусары награждены не были и их трофеи возвращены Австрии.

Во французском издании записок гр. Ланжерона сохранились тексты писем, которыми при этом случае обменялись граф Румянцев и князь Меттерних. Приводим их отрывки.

Вот что писал 14/26 октября 1812 г. Румянцев:

«Одна из военных случайностей представила Его Императорскому Величеству три штандарта знаменитого легко конного полка Орелли. Он их получил от Марии-Терезии и должен о них сожалеть, так как он прославил их своей храбростью. Его Величество, этим письмом, которое я пишу по Его указанию Вашему Превосходительству, просит Его Величество, Императора Австрийского, оказать Ему дружескую услугу, приняв эти штандарты, возвратить их храбрым воинам, которым они принадлежали... Император Александр просит Императора Франца сохранить его просьбу в тайне. Фельдъегерь, который везет штандарты, не знает какой ценный залог ему вручен... Его Величество признается, что Ему было бы тяжело представить взорам его подданных то, что могло бы напоминать те времена, которые Государь желал бы вычеркнуть из летописи истории».

Одновременно, Императрица Елисавета Алексеевна писала своей матери, принцессе Баденской:

«Посланец, которому вручено это письмо, везет также в Вену три штандарта, отбитые от князя Шварценберга. Да поможет это решение Государя осветить Австрии тот единственный путь, на который она должна стать».

1-го декабря Меттерних отвечал Румянцеву:

«Его Императорское Величество приказал мне просить Вас, граф, засвидетельствовать пе-

ред Императором, Вашим Августейшим повелителем, Его особенную признательность за тот знак внимания, который Его Императорское Величество Ему оказывает, отсылая штандарты полка Орелли, которые превратности войны отдали в руки Русской Армии... Император не может лучше отдать справедливость благородным причинам, которые продиктовали решение Императора Александра, как приняв эти трофеи, отбитые храбростью и возвращенные дружбой.»

В австрийских источниках нет упоминания о потере этих штандартов и ничего о их дальнейшей судьбе.

В военном музее в Вене много штандартов старой армии, разных эпох, но как найти те, которые нас интересуют, да и сохранились ли они после 150 лет?

Предпринятые в этом направлении розыски увенчались успехом. После ознакомления с историями австрийских полков, удалось выяснить, что полк Орелли впоследствии носил имя 8-го уланского. Среди массы старых штандартов мы отыскивали три штандарта, пожалованные этому полку Императором Кар-

лом IV-м, то-есть отцом Императрицы Марии Терезии.

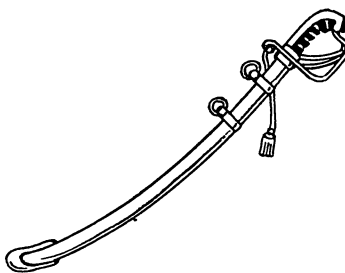
Других штандартов этот полк как-будто бы не получал до более позднейших времен, а потому можно утверждать, что эти три штандарта и являются трофеями Александрийских гусар.

Штандарты сравнительно хорошо сохранились. Один из них, четырехугольный, вероятно полковой, и два с косицами. Прибиты они несомненно на позднейшие древки. На копьях вензель Императора Фердинанда I-го.

Следует добавить, что в решении Императора Александра I-го не надо видеть только политический жест. Полк Орелли дрался в Италии в 1799 г. под знаменами Суворова и в несчастный день Аустерлицкой баталии он пожертвовал собой, прикрывая отход разбитой русской пехоты Буксгевдена, отца поручика Буксгевдена.

Эти заслуги перед Русской Армией не могли не тронуть чувствительное сердце Русского Царя.

С. Андоленко.

Русские инженерные войска

Русское военно-инженерное искусство берет свое начало в древности: уже в те времена в походах Московской рати принимали участие так называемые «посошные люди», которые выполняли саперные работы: строили и чинили дороги, наводили мосты и создавали переправы. В 1380 году во время похода Вел. Кн. Дмитрия Ивановича Донского против хана Мамай, переправа Московской рати через реку Дон была произведена по наведенным мостам. Молодое Московское государство было окружено враждебными народами; для защиты его границ пришлось создавать укрепленные сторожевые линии, устроенные из засек (завалов). Это были «засечные линии», которые представляли собой систему заграждений, из которых создавались оборонительные рубежи. Сама Москва была укреплена и в 15 веке, ког-

да начало развиваться артиллерийское дело, Московские укрепления были соответствующим образом перестроены и Москва стала сильной крепостью. На сравнительно высокий уровень тогдашнего русского военно-инженерного искусства указывают действия царя Иоанна Грозного при взятии Казани в 1552 году. Против Казанского ханства царь Иоанн Грозный совершил три похода. Первые два похода 1547 и 1549 годов были неудачны. Причиной неудачи этих двух походов было отсутствие в тылу опорного пункта. Место для такого опорного пункта было найдено на правому берегу р. Волги, у устья р. Свияги. Там было решено построить, на расстоянии 25 верст от Казани, крепость Свияжск. Место это было труднодоступно для врага: высокая гора, окруженная болотами. Крепость эта строилась уско-

ренным способом; весь материал для ее постройки был собран вдали, у города Углича. В апреле 1551 года, после вскрытия Волги, вниз по ней был отправлен караван судов, который вез собранные части, необходимые для постройки крепости. Это являлось тогда чем то совершенно новым. Связьск должен был обеспечить связь Московской рати со страной. В 1552 году Московские полки двинулись двумя колоннами в поход против Казани. Впереди колонн шли «посошные люди» с необходимым инструментом для починки дорог и устройства переправ. В Августе 1552 года войска Иоанна Грозного, численностью около 150.000 человек при 150 орудиях, сосредоточились под стенами Казани.

По своему расположению Казань была хорошо защищена. Это было хорошо известно царю и поэтому он создал сильный осадный парк и предусмотрел необходимые меры по инженерной подготовке для взятия Казани. Иоанн Грозный стремился захватить Казань искоренным способом, без предварительной постройки контрвалационной и циркумвалационной линии. Для укрытия подхода войск к стенам Казани были сооружены туры. При своем движении вперед, воины катили их перед собой и туры служили укрытием для людей. Где нельзя было применять туры, там устраивался тын.

В течении недели вокруг Казани были устроены линии туров и были уставлены пушки и мортиры. В то время осадные пушки не могли стрелять под большим углом и поэтому пушки были подняты на построенные башни. Но решающую роль в штурме Казани сыграли подземные мины, которые подводились русскими минерами под стены кремля. Для этого были созданы минные галлерей, куда складывали пороховые бочки.

В октябре был решен штурм Казани. Были созданы штурмующие колонны. Перед штурмом были взорваны четыре горна. После взрывов дружины бросились на штурм. Казань была взята после упорного боя.

Петр Великий обратил на военно-инженерное дело большое внимание. В 1701 году была создана Пушкарская школа с инженерным отделением, а в 1719 г. в Петербурге была открыта инженерная школа. В 1702 г. были сформированы первые минерные части (тогдашнее наименование сапер). Умелая подготовка в инженерном отношении поля боя под Полтавой много способствовала победе; там была построена передовая позиция из двух линий редутов.

В 1757 г. был сформирован инженерный полк шестиротного состава (минеры, саперы, мастеровые). Ему были приданы три понтон-

ные роты. Этот полк принял участие в Семилетней войне.

Суворов, в свою очередь, придавал большое значение инженерной подготовке, что сказалось при удачном штурме крепости Измаил в 1790 году. Овладение крепостью Измаилом представляло собой высокий образец военного искусства и имело большое политическое и стратегическое значение. Измаил был сильной крепостью и важным узлом дорог. Местность, изобиловавшая естественными препятствиями, благоприятствовала защите Измаила, который был обнесен высоким валом с глубоким и широким рвом. Гарнизон крепости состоял из 35.000 человек, при 300 орудиях.

Русские войска подошли к Измаилу в октябре 1790 года. Вначале их действия были нерешительны и предполагалось даже отложить взятие Измаила до следующего года. Было решено вызвать Суворова, который был назначен командующим войсками под Измаилом. Суворов прибыл 2 декабря и немедленно начал подготовку к ускоренному штурму Измаила. Времени оставалось мало, т. к. приближалась зима. Войск у Суворова было 31.000 человек при 600 орудиях. Он вполне сознавал трудность штурма, но он строил свои расчеты на исключительную доблесть и героизм русского солдата и на основательную разработку плана штурма и на инженерную подготовку его. Он совершал тщательные рекогносцировки крепости. Все подготовительные работы к штурму производились ночью с соблюдением полной тишины. Войска обучались штурмовым действиям. Готовились штурмовые лестницы. Воздвигались артиллерийские позиции.

Штурм Измаила был назначен на 11 декабря, т. е. на девятый день после прибытия Суворова. Был разработан подробный план штурма, при чем штурмующие колонны должны были действовать одновременно в различных направлениях. Впереди колонн шли стрелки, а за ними саперные команды. Каждой колонне была дана определенная задача и были указаны мероприятия по инженерной части. 11 декабря русские колонны начали ночью сосредоточиваться в полной тишине. Турки все-таки заметили приближение русских войск и открыли огонь.

Атака началась в 5 часов 30 минут, а в 6 часов русские солдаты ворвались в Измаил.

Отечественная война 1812 года.

В начале войны, русские инженерные войска состояли из двух пионерских полков трехбатальонного состава. Каждый батальон состоял из одной минерной и трех пионерских рот. Ввиду большой разбросанности инженерных частей, фактическая организация была ротная. При артиллерии существовали понтонные роты. Лишь в 1802 году инженерные войска бы-

ли отделены от артиллерии. Русские инженерные войска сыграли значительную роль в победе над Наполеоном. Под Бородиным были возведены четыре группы укреплений: 1) на правом фланге редут и два люнета, 2) в центре батареи Раевского, 3) Багратионовы флеши, 4) впереди Бородина редут Шевардино. При отступлении, а потом при наступлении инженерные войска много поработали в строительстве огромного количества мостов, переправ и дорог.

Кутузов, сам воспитанник Инженерной школы, приказал сформировать конные отряды сапер, чтобы те могли выезжать вперед и своевременно чинить дороги. Вторжение Наполеона в Россию и присоединение Царства Польского указали на необходимость укрепления российских западных границ. Для чего потребовалось значительное число военных инженеров и в 1819 году были открыты военно-инженерное училище и академия (под названием главное инженерное училище с верхним офицерским классом — ныне инженерная академия).

Сам Император Николай I проявлял особый интерес к военно-инженерной обороне России и лично составил записку «О системе обороны западного фронта». Инженерное дело совершенствовалось и развивалось.

В 1829 году пионерные батальоны были переименованы в саперные батальоны, а понтонные парки, которые находились в ведении артиллерии, были переданы инженерным войскам.

Крымская война.

Оборона Севастополя оказала огромное влияние на дальнейшее развитие военно-инженерного дела как в России, так и в Западной Европе: она выявила громадное значение полевой фортификации при обороне неоконченной крепости. В ходе обороны Севастополь был значительно усилен укреплениями полевого типа. При постройке этих укреплений особенно выдвинулся молодой военный инженер — подполковник Тотлебен (род. 1817 году).

Оборона Севастополя характерна большой активностью военных действий — частые вылазки. Также активно велась минная и контр-минная война. Вперед выносились укрепления — Селенгинский, Камчатский и Волынский редуты.

После Крымской войны, в связи с изобретением телеграфа, при саперных батальонах были сформированы телеграфные роты.

Франко-Прусская война 1870-71 г.г. указала на большое значение на войне железных дорог и поэтому в 1873 году были сформированы первые железнодорожные батальоны.

В 1876 году, накануне Русско-Турецкой войны, русские инженерные войска имели в

своих рядах 20.000 человек и составляли 2.8 проц. полевых войск.

Русско-Турецкая война 1877-78 г.г.

В начале войны, русские саперы и понтонеры особенно отличились при форсировании р. Дунай. При переправе русских войск через Дунай участвовало 56 понтонов и 3 паромов, причем саперы и понтонеры при этом потеряли убитыми и ранеными 78 человек.

Для прикрытия мостов через р. Дунай, имевших большую длину, от нападений турецких мониторов на Дунае, на реке были устроены заграждения из подводных гальванических мин.

В дальнейшем ходе войны, после неудачи трех штурмов Плевны которые являлись первыми попытками прорвать укрепленные položы противника, на военном совете, под председательством Императора Александра II, были сделаны предложения отвести русские войска за р. Дунай. Император Александр II однако с этим не согласился и одобрил предложение военного министра Милютина — обложить Плевну и отрезать ее от сообщения с Софией. Из России был вызван талантливый запитник Севастополя — граф Тотлебен, который стал помощником командующего осадной армией.

Тотлебен решительно настаивал на блокаде Плевны, с целью заставить турок капитулировать, причем ему пришлось бороться с мнениями, которые настаивали на решительных действиях против турок.

Русские позиции вокруг Плевны были развиты в глубину. Были созданы три оборонительные линии. После взятия русской гвардией Горного Дубняка и Телиша кольцо обложения Плевны закрылось и турки начали испытывать серьезный недостаток в продовольствии.

В ночь с 9 на 10 декабря, турецкий гарнизон попытался прорваться на участке 3-й Гренадерской дивизии. Вначале прорыв имел успех, но потом турки попали под перекрестный огонь подоспевших резервов, и наступление остановилось. Видя полную безвыходность положения, раненый Осман-Паша капитулировал.

После войны, на основании ее опыта ивиду усилившегося действия огнестрельного оружия, были приняты меры к улучшению обучения войск военно-инженерному делу. Был введен носимый шанцевый инструмент и в 1881 году было издано наставление по самообкапыванию пехоты.

В 1894 году произведена значительная реорганизация инженерных войск. Каждый армейский корпус имел свой саперный батальон. Каждый саперный батальон имел три саперные роты и одну военно-телеграфную роту

(гвардейский саперный батальон — две военно-телеграфные роты).

Инженерные войска были соединены в саперные бригады: всего семь саперных бригад и одна железно-дорожная. Эти бригады существовали в мирное время, для однообразной подготовки и обучения.

В крепостях состояли крепостные саперные военно-телеграфные отделения и крепостные минные роты.

Кроме того, были сформированы два резервных саперных батальона, по три роты каждый.

Перед началом Русско-Японской войны, русские инженерные войска состояли из 31 саперного батальона и одной саперной роты, 8 понтонных батальонов, 14 крепостных саперных рот, 9 минных рот, 4 речных минных рот, 10 военно-телеграфных отделений и 7 воздухоплавательных отделений в крепостях.

Русско-Японская война.

Первый сухопутный бой у Тюренчена показал, что устройство позиций не соответствовало новым условиям ведения войны и силе современного огня. Значение самоокапывания в войсках не переоценивалось и им занимались неохотно. Боевые столкновения указали на возросшее значение инженерного искусства в бою, при том обнаружились недостатки в обучении и организации инженерных войск: сказалась их обособленность от других родов войск и отсутствие надлежащей связи с ними.

С началом военных действий саперные батальоны на театре военных действий перестали существовать, как боевые единицы: как правило, всю войну действовали отдельные саперные роты, которые были связаны с батальонами лишь хозяйственными интересами. Все инженерное дело в корпусе было сосредоточено в руках корпусного инженера, который был составителем и руководителем работ. При чем корпусный инженер не являлся командиром саперного батальона, а штаб-офицером инженерного корпуса. Это повело к тому, что командиру саперного батальона было нечего делать. Командиры саперных рот принимали указания относительно выполнения работ от корпусного инженера. В бою саперами не управляли, т. к. их рассматривали как рабочую силу, а иногда их и забывали. Все это привело к раздроблению строевых частей и к их неиспользованию в надлежащей мере. Иногда они применялись не по специальности.

В дальнейшем ходе войны, на оборудовании позиций обращалось гораздо больше внимание: окопы применялись на местности и маскировались. Для артиллерии позиции начали устраивать на обратных скатах, при чем в бою

под Дашичао русские орудия впервые стояли на закрытых позициях.

В районе Ляояна русские саперные войска подготовили тыловую позицию, состоявшую из трех полос: 1) передовой, 2) главной и 3) арьергардной.

В августе 1904 года японцы начали атаку Ляоянских укреплений. При их штурме японцы понесли значительные потери. Японцам их взять не удалось. Манджурской армии пришлось отступить, ввиду неудачи отряда генерала Орлова, на левом фланге.

В сентябре было приступлено к постройке новой укрепленной позиции на реке Шахэ. Основой этой новой позиции были окопы с очень низким бруствером или без бруствера.

Сильно возросшие требования в отношении инженерного обеспечения войск, привели к формированию, во время войны, новых частей. Были сформированы телеграфные батальоны и искровые роты беспроволочного телеграфа.

Телеграфные батальоны при этом осуществили идею объединения специальности. Воздухоплавательные батальоны были новинкой и их летательность была случайной. Также были сформированы два конно-саперных взвода, численностью около 35 человек каждый, которые имели специалистов — саперов, подрывников и телеграфистов.

Защита Порт-Артура.

Сухопутный фронт крепости Порт-Артур был не закончен и там пришлось спешно приступить к усилению обороны полевыми укреплениями. Оборонительная линия была вынесена вперед, к северу от Шуйшина, где были построены три редута. Этими работами руководил генерал Кондратенко, который кончил академию генерального штаба и инженерную академию.

В августе 1904 года японцы начали ускоренный штурм Порт-Артура. Несмотря на наши усилия и большие потери, японцам удалось взять гору Угловую. В других местах штурм был отбит. Японцам пришлось перейти к постепенной атаке крепости, начать осадные работы и строить минные галереи. Этой передышкой воспользовались защитники Порт-Артура, которые усилили свои оборонительные сооружения.

Второй штурм Порт-Артура кончился для японцев также неудачей. Лишь к концу ноября японцы овладели, важной в оборонительном отношении, Высокой Горой. Наконец, 2 декабря на форт № 2 разрывом 11 дм. снаряда был убит генерал Кондратенко, душа обороны, и 23 декабря Порт-Артур капитулировал.

При обороне Порт-Артура во всю ширь развернулась работа русских инженерных

войск. После Русско-Японской войны, на основании ее опыта, были предложены следующие нововведения в организации инженерных войск: создание инженерных батальонов (вместо саперных) для корпусов и телеграфных, воздухоплавательных и понтонных батальонов для армии. Инженерные силы корпуса должны были подчиняться корпусному инженеру, который был одновременно командиром инженерного батальона. Инженерный батальон новой организации должен был быть трехротного состава при чем две роты были дивизионные и прикреплялись к дивизиям, а одна рота была корпусная. Корпусная рота предназначалась для инженерных работ в тылу корпуса.

К сожалению, к началу 1-ой мировой войны эти предположения не были осуществлены.

1-ая Мировая война.

К началу войны русская армия имела 38 саперных батальонов (каждый батальон имел две саперные и одну или две военно-телеграфные роты и прожекторную команду). Понтонных батальонов было 9 и одна понтонная рота (Туркестанская). Кроме того, к составу инженерных войск причислялись: 30 корпусных авиационных отрядов, 7 искровых рот, один железно-дорожный полк и 13 железно-дорожных батальонов. Как видно, число инженерных войск по сравнению с 1902 годом значительно возросло.

Разделения инженерных войск по роду их деятельности у нас не существовало. К этой идее наиболее приближалась германская армия, где технические войска делились на сапер и на войска сообщений.

В течении войны были дополнительно сформированы: 27 европейских, 5 кавказских, 3 сибирских саперных батальонов, более 80 отдельных саперных рот и 11 запасных саперных батальонов. Понтонных батальонов было вновь создано тринадцать и кроме того еще 7 запасных понтонных батальонов. Железно-дорожных батальонов было вновь сформировано 20 и

запасные — один железно-дорожный полк и два железно-дорожных батальона. Это показывает насколько возросло значение инженерных войск.

В начале войны, в ее маневренный период, главная задача инженерных войск была: преодоление водных преград, устройство и починка дорог. Затем в период отступлений — разрушение путей и переправ, т. е. подрывное дело. Когда война приняла позиционный характер, инженерным войскам пришлось много потрудиться над оборудованием позиций. Были созданы сплошные укрепленные позиции, усиление убежищами, оборудованные ходами сообщения и прикрыты с фронта широкими полосами заграждений. Такие укрепленные полосы еще считались в глубину. Значение полевых укреплений сильно возросло и наступление приняло характер методического и последовательного прогрызания обороны.

Интересна была история обороны маленькой крепости Осовец, которая так и не была взята, а оставлена русскими войсками, вследствие общего отхода. Она сочетала в себе форты долговременного типа и полевые позиции.

Примером успешного прорыва позиционного фронта явилось наступление русских армий Юго-Западного фронта в июне 1916 г., так называемое Брусиловское наступление.

В ноябре 1916 года технические войска были сведены в громоздкие инженерные полки. Командиры инженерных полков являлись одновременно корпусными инженерами. При дивизиях были созданы инженерные роты, при чем командир инженерной роты являлся дивизионным инженером. Инженерная рота дивизии состояла из двух инженерных полурот, телеграфного отделения и паркового взвода.

На основании опыта войны были переработаны основные наставления инженерных войск и в 1916 году изданы «Указания по укреплению позиций» и «Наставление для борьбы за укрепление полосы».

Н. Н. Р.

От Самары до Марселя

Главы «Лагерь Майи», «Первый Поход», «Русские войска на линии огня» и «Западный фронт» были написаны и подготовлены к печати еще в 1921 году в Варшаве, где я находился после побега из советского плена. — Там я состоял членом «Военно-Исторического Кружка» под председательством генерал-майора, бывшего профессора Военной Академии, фамилию которого я, к сожалению, забыл.

Эта часть «Моих Воспоминаний», имеющая

характер кратких записей, пролежала много лет в моих архивах. Совершенно недавно, под влиянием моей дочери, я взялся за них, пополнил историей формирования 2-го Особого Полка, путешествиями и эпизодами, которые часто рассказывал в кругу друзей.

Даты и названия указаны согласно моему послужному списку, сделанному еще в эпоху, когда я был адъютантом 2-го полка. Этот список остался в Париже после моего отъезда из

Франции и был возвращен мне ген.-лейтенантом Хольмсенем.

Кроме этого документа мне удалось сохранить сотни фотографий, относящихся к моей службе во 2-ом Особом полку в 1916 году.

1. ФОРМИРОВАНИЕ 2-го ОСОБОГО ПОЛКА

«Я вас записал в качестве охотника, знающего французский язык в часть, формирующуюся для отправки во Францию... Сегодня в батальон пришел приказ по Округу... Я думаю, что это вам подходит?..»

Такими словами встретил меня мой сумрачный ротный командир, кадровый офицер, кажется, всю жизнь прошедший в чине поручика: поручиком он был в 1915 году, и в том же чине я его видел, совершенно случайно, в Киве в 1917. Этот разговор происходил декабрьским утром, 1915 года в расположении моей роты. Тяжелые тучи, обещающие снег, покрывали небо... От этого еще более угнетающее впечатление производили и без этого невеселые низкие, барачного типа, из толстых бревен, постройки казарм 90-го запасного батальона, занимавшего расположение 185-го пехотного Башкадыкларского полка. В этих бараках, на трех рядах нар, расположенных один над другим, жил состав 3 маршевых рот. Там ночью буквально не чем было дышать. Непокойным сном спали там уроженцы Урала, заволжские люди, часто не имеющие понятия о русском языке — чукчи, мордва, татары и, очень редко, коренные русские. Нам давался месяц, чтобы приготовить маршевую роту, пройти всю выучку солдата, имея 50 винтовок на тысячу человек!.. Наши унтера и отделенные командиры, всего 12 человек, были без голоса и тяжело хрипели, отдавая приказания...

Сколько раз я с тоской вспоминал мое Кивское Военное училище, где все так блистало военной красотой, в полном значении этого слова, где все было подчинено строгому ритуалу, начиная от пробуждения и марша в столовую длинным корридорм, на стенах которого были развешаны рельефные модели фортификаций и портреты полководцев... Один из них, а именно портрет генерала Жоффра, был сопровожден афоризмом, который так и остался в моей памяти, как моральный закон: «Пусть честь горючит ваше сердце...». Где в, прекрасно устроенных, классах мы слушали курс наших профессоров, изысканно культурных, «гвардии полковников», где, если была плохая погода, учение отбывалось в огромном зале, а вычищенный перкет позволял нам безупречное равнение... куда часто приезжал к нам посланец Императора с приветом для «его дорогих детей...», прося «беречь себя, вы нужны Его Величеству...», добавлял старик генерал З.

Какой контраст представляла реальность — этот запасный батальон, — злая карикатура

на недавнее прошлое. Нужно сказать, что моя будущая служба, в рядах 2-го Особого полка, не обманула моего ожидания: она была как бы продолжением военного училища и полна незабвенных воспоминаний...

Этим утром я должен был объяснять теорию выстрела — вещь безнадежная — перед слушателями, которые смотрели на меня, ничего не понимая... Весть, принесенная ротным командиром, изменила все: мои обязанности, служба — все сделалось легким и веселым занятием; была надежда вырваться из этой угнетающей обстановки, вместо выезда зимой на фронт с одной из маршевых рот настоящего «пушечного мяса», одетого в военную форму... Будущее сулило что-то новое, такое интересное... Письмо матери наполнило меня гордостью: «...Я очень рада и горжусь тобой...» Быть может, эта гордость была отчасти вызвана тем, что ее сын мужски бросается в жизнь приключений, оставляя молодую жену, значит не хочет устроиться на тыловой должности...

Мне нужно было еще долго ожидать отъезда. Приказ, которым я был назначен полковым адъютантом 2-го Особого полка, пришел 9 или 10 января 1916 года.

2. В САМАРЕ.

«Дворянский город» — трудно найти другое название этому городу — главная улица называлась «Дворянской». Самая лучшая гостиница, уже немного постаревшая, конечно, тоже называлась «Дворянской»...

Вместе с моим верным денщиком Георгием Ивановичем Бессарабовым, который был мне настоящей нянькой (ему было 35 лет, а мне шел 22-ой, мы прибыли в Самару и устроились в только-что названной гостинице. Часом позже я уже находился в расположении новой части, занимавшей казармы 4-го саперного батальона. Казармы эти были в отличном состоянии: чистые, свежее выбеленные, просто уютные по сравнению с бараками 90 запасного батальона. Полком, который существовал пока еще только на бумаге, командовал капитан Михаил Михайлович Иванов, позже подполковник и командир 1-го батальона, бывший до этого времени полковым адъютантом, — холостяк, в лакированных сапогах, с подкрученными усами, дамский кавалер, насквозь продушенный духами «Герлена» и казавшийся мне, в ту пору, олицетворением военного щегольства. Он принял меня с преувеличенной вежливостью, прося обращаться к нему, когда только я буду в этом нуждаться... Предложение весьма ценное, если принять во внимание, что я не имел понятия о своих обязанностях...

Я получил в командование трех опытных писарей, писавших на «Ремингтонах», отчего они мне казались почти высшими существами.

Старшему писарю, из запаса, было 35-40 лет; я начал говорить ему «вы», так как мне, имевшему едва 21 год, казалось просто неприлично «тыкать» этого солидного, как потом оказалось, прекрасного служаку. Несколько дней позже я получил страшный «разнос» от М. М. Иванова за то, что я «подрываю дисциплину», говоря «вы» нижнему чину. Это произвело на меня впечатление, так как выговор исходил от сладко-вежливого Михаила Михайловича.

Много месяцев позже, в бою 16 сентября 1916 г., на участке «Оберив» я увидел этого-же Михаила Михайловича под огнем... Опасность его преобразила: в разгаре боя, он покрывал канонаду потоками самой отборной ругани.

Капитан Иванов вручил мне приказ Ставки относительно формирования Особых полков, 1-го и 2-го... Я дорого дал бы теперь за копию этого приказа, или, по крайней мере, строк подчеркнутых красным карандашом, быть может самим Государем... Согласно этому приказу, офицерский состав, кроме командира полка и батальонных командиров (3), должен состоять из 13 обер-офицеров, охотников, говорящих по-французски, и пополнен по приезду во Францию младшими офицерами - французами (около 70 человек), из говоривших по-русски. С той и с другой стороны, с точки зрения чисто лингвистической, эти условия были очень слабо соблюдены. Что касается солдат (их число должно было доходить до 3500 человек) то 1-ый Особый полк, формирующийся в Москве, должен был набирать «штенцов с серыми глазами, охотников, грамотных...», 2-ой Особый полк должен был состоять из... «блондинов с голубыми глазами...»

И вот, в течении двух недель, каждое утро, прибывала партия солдат — 200-300 человек, действительно безупречно подобранных людей. Деликатная миссия отбирать годных солдат была поручена мне, что, конечно, мне очень нравилось. Я проходил перед фронтом партии и после вопроса: «грамотный», говорил «выходи», выбирая красивых молодцов, 40-50, не больше на партию. Остальные с грустью уходили...

Каждый день прибывало 2-3 офицера. Отчетливо помню прибытие штабс-капитанов Наседкина, Семенова, Клевера, Маслова, подполковников Готуа и Верстаковского, капитанов Якобсона, Терехина, Мица, Юриева-Пековца (милого «хохла», всегда готового отпустить шутку), Багрянцева «тишайшего», как мы его называли, который принял хозяйственную часть, поручиков Сагатовского, Регемы, (который «решил» во время перехода от Коломбо до Джибути, что больше не будет на свете холодов и бросил в океан свою чудесную бекешу, о которой так жалел зимой под Реймсом...) и наконец, кап. Жданова, георгиевского кавалера,

старшего производством между нами всеми — (большинство было производства 1908-1912 годов); все — молодые кадровые офицеры с боевым опытом, чудесные товарищи-начальники, любимые солдатами и заслуживающие полного уважения... Последними прибыли: капитан Шульц, который впоследствии попросил о переводе в Россию, и подполк. Бибиков, кажется, из гвардии.

На должности младших офицеров прибыли: прапорщики Быховский, Тихомиров, Клевэ, француз по происхождению, но москвич по воспитанию, принявший русское подданство, мой заместитель по должности полкового адъютанта. Теперь нам оставалось ожидать приезда во Францию, где мы должны были получить пополнение — французских офицеров...

Необходимо упомянуть оригинала Пащенко, богатого помещика Волынской губернии, парижанина по воспитанию, средних лет, прапорщика запаса, что он подчеркивал и ни за что не хотел производства в следующий чин. По рассказам его жены, с которой я познакомился в Самаре, и снова встретил в 1921-22 году в Польше, Пащенко, по развале наших частей вступил рядовым в Иностранный Легион и полег в боях в 1917 году. Жалею, что не могу припомнить фамилию еще одного кадрового офицера, штабс-капитана, с фамилией, начинающейся на «М». Сохранил его фотографию, но без надписи...

Но одно лицо прибыло так, как никто — это был наш полковой священник отец Николай Окунев. Я сижу и мучаюсь абсолютным отсутствием «литературного» вдохновения, чтобы написать, как следует, приказ о «прибытии и принятии на пищевое и т. п. довольствие» — кого? Не помню. Раздается веселый баритон: «А где же ваш адъютант?..» — Слышу ответ одного из моих писарей и в то же мгновение «вошло» (мелькнула у меня мысль) «чудище, обло, стозевно, озорно и лаяя...» Это был, обросший черной бородой до глаз, которых не было видно из-за сильно увеличительных стекол, священник... «Так это ты адъютант?» — Я немедленно представился. «Да нет, как тебя по имени?» — «А что ты делаешь?» — Этот дружеский тон позволил мне ответить, что бьюсь над приказом. «И что, не идет? Послушай, я старый полковой поп, я тебе продиктую, а ты пиши...» Обдавая меня запахом только что выпитых спиртных напитков, мой новый приятель продиктовал мне приказ в армейском классическом стиле... Тем же вечером, о. Окунев сделался предводителем наших симпатичных кутил.

Еще несколько дней и приехал настоящий командир полка Павел Павлович Дьяконов. сравнительно молодой полковник — 38-летний офицер генерального штаба. К этому времени

полк был сформирован. Мы ожидали приезда начальника Казанского округа генерала Сан-децкого. О нем говорили: «не человек, а зверь».

Наконец он явился. Был трескучий мороз, 20-25 градусов. Немедленно, приказал выстроить полк в одну шеренгу, по росту солдат, чтобы подровнять длину шинелей. Около 20 или больше портных обрезывали шинели — офицеры оставались подле своих рот. Это длилось приблизительно 2-3 часа. Мы все окоченели от холода. Молебн. Потом полк прошел церемониальным маршем. Парад принимал начальник округа. Салютуя замерзшей рукой в летней перчатке, я едва не выронил из руки шашки. «Ал-тютант не умеет салютовать», громко проговорил генерал, показывая, что ничто не происходит незамеченным. Мы отдохнули, по отъезде генерала, и долго еще припоминали этот смотр.

По сформированию полка, началась другая часть моих служебных обязанностей — сопровождать командира полка, делавшего визиты высокопоставленным лицам города. Губернатор Самары пригласил нас с женами на обед... В огромной зале стиля «ампир», почти пустой, находился небольшой стол, около которого засело небольшое число приглашенных: командир полка, я с женой, губернатор с женой и дочерью, очень безцветной — того типа, какой населял несколько лет позже Крым и ожидал победы над большевиками...

Несмотря на страшную скуку, я был горд появиться в первый раз с аксельбантами и показать мою молоденькую жену. Одно меня смущало: я не мог догнать моего командира в области спиртных напитков. А между тем, как утверждал Михайлович Иванов, «настоящий адъютант должен пить, как его командир. Можете верить мне, я провел столько лет на этой должности!..» Как я мог не верить капитану Иванову? Мне кажется, что отсутствие этого дара было причиной охлаждения ко мне полковника Дьяконова, который, необходимо добавить, проглатывая напитки, почти не изменялся.

Полгода спустя мой заместитель прапорщик Клевз, чистокровный француз, горько жаловался, что, имея большую печень, должен пить как его «патрон». К сожалению, я не был способен на такой подвиг! Быть может поэтому я так хорошо себя чувствовал на должности младшего офицера в первой линии: мне никто не завидовал и я был господином положения на своем участке, имея такого идеального командира роты, каким был капитан Миц.

Что касается «Бати», то он обладал этим даром — пить в невероятном количестве, как никто.

3. ПУТЕШЕСТВИЕ.

2-го февраля 1916 г.

Длинный ряд теплушек, необходимо сказать, безупречно приспособленных для долгого путешествия зимой, через всю безконечность Сибири, со старомодным «пульманом» 2-го класса посредине, для офицерского состава, ожидал нас на запасном пути самарского вокзала. Это было наше жилище в течение 22-х дней на протяжении от Волги до порта Дайрена (б. Дальний). Уже в сумерках была окончена посадка двух батальонов. 1-ый Особый полк уже двинулся в дорогу из Москвы.

На другой день мы были на склонах Урала. Я не отрывался от окна, смотря на дикий, горный пейзаж, так непохожий на приветливые поля родной Украины. Временами мне казалось, что я перенесен на другую планету, такую чужую и враждебную человеку. На остановках девченки и молодые девушки продавали, вытягивая из корзиночек, уральские драгоценные камни, конечно, не первого качества, но дорого стоящие у ювелиров Европейской России, по цене «семячек». Так нам, по крайней мере, казалось. Сибирь! Бесконечные, безлюдные, покрытые снегом равнины. Никого и ничего. Редкие станции, где кроме нескольких служащих находилось два или три человека, ожидающих пассажирский поезд. Остановки, на часто только единственном запасном пути, продолжались временами очень долго, если совпадали с раздачей пищи. Из дымящихся теплушек слышалось все время пение, взрывы смеха, разговор... Повидимому, в теплушках было очень жарко, так как двери оставались долго открытыми. В нашем вагоне пребывание приняло определенную форму. Утром, после чая, я был занят писанием приказа по полку, назначением дежурных и людей в наряды и т. п. Потом обед — улучшенная солдатская еда, игра в карты, писание писем, обсуждение новостей — и так до вечера.

Наконец, мы вошли в тайгу. Ни следа жилья, если не считать станционные постройки из толстых бревен, где, как правило, никого, кроме персонала. Так тянулось несколько дней. Позади — безконечная равнина, о которой я сохранил воспоминание наиболее угнетающее из всех, задержавшихся в моей памяти. Вот селение, перед которым остановился наш эшелон на несколько часов. Безлюдные, безконечные улицы, вдоль которых тянулись ряды низких, подслеповатых домов... Ни садов, ни даже одиноко растущих деревьев, снег по колена. Пусто и жутко, ни одного человеческого силуэта, ни лая собак. Только дым над домами говорил, что здесь живут люди... И какое подходящее название — «КАИНСК»!

Наконец мы подошли, под вечер, к Иркутску. Здесь снова продолжительная остановка,

два или три дня. Командир полка послал меня в штаб округа за Воинским Судебным Уставом. Ничего не подозревая, я покинул перегретый вагон в обыкновенной шинели, в таких же перчатках, но в папахе. Несколько минут позже, выйдя с вокзала, я сидел в санях. Не прошло минуты, как я почувствовал боль в носу. Я прикрыл нос рукой, которая в одно мгновение сделалась, как мне показалось, куском льда... Почти тотчас ямщик повернул ко мне бородатое лицо, говоря: «Спрячьтесь, ваше благородие, под мех — ваш нос уже белый...» Потеряв все «величие» офицерского звания, припоминая об отмороженных моментально носках, в одно мгновение я спрятался под мех. В тот день мороз доходил до -53° . Было чего испугаться.

Исполнив приказание командира, я явился в условленное место, где меня ожидал полковник — самый лучший ресторан города. Это был низкий, приземистый, из бревен, дом, но больших размеров. Гости без пиджаков, засучив рукава, играли на билиярдах. Было страшно жарко. Термометр показывал $+28$. Здесь мне пришлось увидеть оригинальный для европейца способ оплачивать счет. Двое соседей позвали служителя, который им протянул бумажку. Один из моих соседей, внимательно прочитав, вытянул из кармана кожаный кисет и из кармана жилета маленькие аптечные весы. Смотря внимательно на свет, он начал сыпать из кисета желтоватый порошок. Служитель вытянул подобный кисет и такие же весы, перевесил порошок и низко поклонился клиентам. Мне объяснил другой сосед, что это были золотопромышленники, которые почти всегда расплачиваются золотым песком... Повидимому, это была обыкновенная в этой части света вещь, так как никто не обратил внимание на действия описанных лиц.

Поздно вечером, в мое купе вошел командир, видимо, очень «утомленный» приемами, протянул мне небрежно сложенную бумагу и, сказав: «спрячьте, дадите мне завтра утром», пошел к себе. Когда я прочитал документ, написанный по французски, где наверху стояло «Кредит Лионнэ», то волосы зашевелились у меня на голове: это был чек на предъявителя на миллион франков (золотом, так как других в эти времена еще не было) на расходы по представительству 2-го Особого полка. Я никогда в жизни не имел в руках подобного богатства. Не долго думая, я дал приказание поставить перед дверями моего купе вооруженного часового и не спал, дотрагиваясь до «Ногана», положенного под подушкой. Именно фраза — «на предъявителя» так меня напугала, что я успокоился, только отдавши утром этот «опасный» документ моему командиру.

Наконец Байкал, с многочисленными ту-

нелями, остался позади. Мы вошли в горный хребет Хингана. На сильных горных локомотивах с трубами, похожими на опрокинутую воронку, солдаты — железнодорожники. Пользуюсь этим положением и еду на локомотиве. Никогда я не видел, и позже мне не удалось увидеть горный пейзаж, так бездушно враждебный, каким мне казался, по крайней мере зимой, Хинган... Хаос камней. Недоступные высоты без следа растительности, человека или животных... Так должна выглядеть наша планета, когда жизнь на ней исчезнет навсегда. Только рельсы, которые бежали все выше и выше.

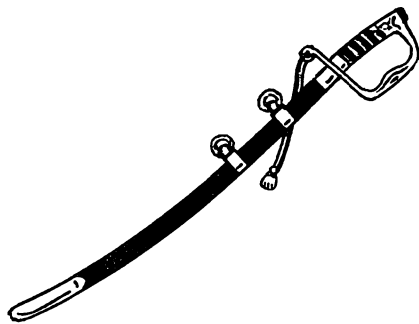
18 февраля 1916 г.

Я проснулся, солнечным утром, на границе Маньчжурии. Здесь мы должны были пересечь в японский состав, так как наш не мог дальше следовать по причине ширины колеи, более узкой, чем русская.

Еще вчера мы были в Харбине, с его китайским муравейником, где на базаре продавалось женское молоко, с его японской частью города, необыкновенно оживленной, и важными «европейскими» кварталами, где были сосредоточены государственные учреждения, банки и т. п. Катимся дальше. Солдаты в холодных товарных вагонах без печей, офицеры в американском вагоне II-го класса, тоже холодном. Вечером нам приносят железные грелки с тлеющим углем, которые ставятся под ноги. Утром мы все были больны от угара. В течение дня японские офицеры устраивают 3 или 4 приема. Всегда в палатках, всегда рисовая водка и холодный чай, несколько речей, то по русски, то по английски. Что нас поразило, так это закалка японского солдата: без шинелей, в мундирах, под ветром, при температуре 20 градусов мороза они замирали, беря «на караул». Рано утром бежали перед нашими глазами прославленные маджурские сопки, выроставшие на голых полях.

В. Рыхлинский

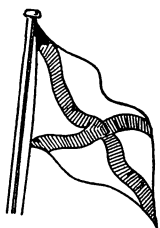
(Окончание следует)

Поход и гибель линейного корабля «Пересвет»

(Продолжение)

От Майдзуру до Гонг-Конга.

Отойдя миль на 10 от берега, я приказал испытывать башенную артиллерию, для какой цели было сделано по боевому залпу, из башен 10 орудий, после чего подробно осмотрены все механизмы управления ими и, к нашему спокойствию, все оказались в исправности, перекося носовой башни не мешал ее исправному действию и поворотам. Тут я опять вспомнил слова адмирала Камимура, восхищавшегося отличными качествами наших 10 орудий.

При выходе из Майдзуру был сделан подсчет сверх-полного запаса угля и я рассчитывал дойти с ним экономическим ходом прямо до Сингапура, предоставив старшему механику полный выбор скорости хода, чтобы постепенно втянуть машинную и кочегарную команды в их работу с механизмами, с которыми они еще не успели хорошо освоиться, а Старшему офицеру предоставил время для проверки составленных судовых росписаний и приведения корабля в порядок, чтобы, придя в Сингапур, иметь законченный вид военного русского корабля.

Погода нам благоприятствовала. Приближаясь к Цусимскому проливу, я приказал собрать на верхней палубе церковь. При тихом налетном месте, где разыгрался в 1904 году Цусимский бой и где под нами, на дне морском, тихо покоились наши погибшие корабли, на «Пересвете» была отслужена панихида по нашим соратникам, отдавшим жизнь за честь Андреевского флага. Собрав команду, я обрисовал в кратких словах историю боя и видел по лицам матросов, с каким интересом они отнеслись к моей импровизированной лекции, а благоговение, проявленное за панихидой, навсегда останется в моей памяти и служит мне показателем того, что мое слово глубоко запало в сердца экипажа и при «вечной памяти под нами находящимся» в безвестной морской пучине, у многих на глазах были заметны искренние слезы.

После богослужения, перед обедом, была вынесена наверх ендава с вином и, провозгласив тост за Государя Императора, я выразил уверенность, что «Пересвет» также не посрамит чести Андреевского флага и мы сумеем, если потребуют обстоятельства, также отдать

свои жизни за «Веру, Царя и Отечество». Настроение команды было создано и я инстинктивно почувствовал, что на корабле рождается душа, с которой ему и преуготовано жить далее.

Подходя к параллели Гонг-Конга, я заметил удрученное состояние нашего старшего механика, который, наконец, решился признаться мне в том, что опасается, что у нас не хватит угля дойти до Сингапура, ибо принятый японский уголь горит, как смола, и все расчеты сбиваются. Проверив еще раз наличие угля, стало ясным, что его опасения справедливы, ибо помимо дурного качества угля, тут играла роль еще и непривычка команды в управлении с бельвилевскими котлами. Пришлось изменить маршрут и я решил идти в Гонг-Чонг; это было к лучшему еще из-за того обстоятельства, что в левой машине произошла, хотя и не серьезная, поломка, с которой, на ходу и средствами судовой мастерской, было бы затруднительно справиться. Пройдя великолепную мировую Гонг-Конгскую бухту, я не успел еще отдать якоря, как ко мне явился английский морской офицер местного управления порта поздравить с приходом и узнать, в чем нуждается корабль. Вилито, налаженность дела, ввиду военного времени, здесь была поставлена на высоту.

Вручив требуемые ведомости на провизию, необходимые материалы, уголь и сообщив о поломке, я отправился на берег явиться английскому командованию. Все мои требования уже были доложены командиром порта и, при визите к нему, адмирал сообщил, что в трехдневный срок все будет закончено и рекомендовал мне нанести визит местному губернатору, живущему во дворце за «Пиком Виктории», что мной и было сделано.

На следующий день, от местного английского гарнизона было получено приглашение на их полковой банкет, о котором я считаю излишним рассказывать. Чувствуя себя уставшим и не совсем хорошо, я вместо себя послал Старшего офицера, в совершенстве к тому же владевшего английским языком. Полковое собрание было нарядно разукрашено и офицеры колониальных войск сердечно и гостеприимно встретили наших офицеров.

При провозглашении старшим из них официального тоста он провозгласил его за «Русского Императора»; ответным тостом моего Старшего офицера был тост за «Английско-

го Короля»; в последовавшей затем беседе с англичанами они позволили себе намекнуть Старшему офицеру, что его тост был неполный, так как Английский Король есть в то же время и «Император Индии», на что Старший офицер очень спокойно ответил, что «Русский Император» есть в то же время и «Царь Казанский», «Царь Астраханский», «Царь Польский», «Великий Князь Финляндский» и пр., и пр., приведя им полный титул Императора и Самодержца Всероссийского. Сконфуженные англичане не нашлись, что ответить и постарались замять инцидент — это не помешало дружественно закончить банкет.

Через три дня, закончив расчеты с берегом, мы вышли в море для следования в Сингапур.

IV.

От Гент-Конга до Сингапура.

Переход до Сингапура протекал при той же благоприятной погоде и отметить чего-либо интересного в моих воспоминаниях не могу. С каждым протекающим часом, жизнь корабля все налаживалась и налаживалась. Люди присматривались к своим механизмам, получили росписания по всевозможным тревогам, проверяемым целыми днями, артиллерийские учения сменялись пожарными и водяными тревогами, отражением миноносцев, а остальное время употреблялось на наведение чистоты и возможной подкраски корабля, загаженного во время аварии и стоянки в доковом ремонте. Приходилось вести немало и работ по исправлении тех недочетов, которые обнаруживались всегда сюрпризами, ибо были замазаны краской японцами при сдаче ими корабля во Владивостоке. То обнаруживалась какая-нибудь дырка в проржавевшей водонепроницаемой переборке, то разваливалась какая-либо труба трюмной системы, то налитая в ванну вода имела буро-красный цвет от ржавчины какой-либо цистерны и т. п. и только то, что мною были затрачены довольно значительные суммы на серьезное оборудование судовой мастерской станками и инструментами в предвидении того, что на севере мы вряд-ли можем рассчитывать на какие-либо технические средства, давало возможность справиться со всеми встречаемыми недочетными своими собственными средствами.

При подходе к Сингапурскому проливу, в одно прекрасное утро, произошел загадочный случай, так и оставшийся не выясненным. Проходя маяк, расположенный на группе скалистых островов, оставляя его в полумиле слева, мы должны были менять свой курс на W для входа в залив. Подходя к траверзу маяка, имея около 10 узлов хода, «Пересвет» сразу рыскнул влево, направляя курс на камни маячно-

го острова, перекидка руля не помогла и пришлось развернуть его машинами, чтобы лечь на нужный курс. Я был в это время на мостике и таковой случай показался мне загадочным, тем более, что при подробном осмотре штуртроса, проверке исправности рулевой машинки, никаких недочетов найдено не было; было ли это простой неизбежной на море случайностью, или здесь кроется какая-нибудь тайна покушения, так и не удалось обнаружить. Призвав к себе рулевого кондуктора, на ответственности которого лежала исправность всей рулевой проводки, я откровенно с глазу на глаз поговорил с ним о случае и серьезно рекомендовал ему принять к сведению, что при повторении подобного случая ему жестоко придется раскаться, ибо ответственность за всегдашнее исправное действие руля я оставляю единственно на нем. Действительно, в продолжении всего дальнейшего плавания руль действовал прекрасно и «Пересвет» ни разу более не «рыскал».

По приходе в Сингапур, пришлось принять уголь и провизию, но, так как здесь большого военного начальства не имелось, то по всем хлопотам пришлось пользоваться исключительной любезностью нашего консула.

Через два дня я имел возможность продолжать плавание. Перед уходом из Сингапура, портовые военные власти предупредили меня, что вероятно в Малакском проливе, при входе в Индийский океан я могу встретить голландскую подводную лодку, идущую из Европы в колонию и выкрашенную в национальные цвета.

Каких-либо информации относительно опасности плавания при подходе к Коломбо я не получил ни от кого. Наш консул не был в курсе дела, а местные военные власти также не могли дать никаких сведений. Хотя и не было никаких сведений о присутствии на нашем пути каких-либо неприятельских кораблей, тем не менее я решил идти в боевой обстановке, чтобы практикой приучить людей к ней. С заходом солнца, корабль не нес никаких наружных огней, боевые крышки иллюминаторов были закрыты и со спущенной на воду шлюпки неоднократно проверялось полное затемнение корабля.

От Сингапура до Коломбо.

Перед выходом из Сингапура, желая проверить исправность механизмов и выносливость машинной команды, я решил сделать переход до Коломбо при обстановке полного хода под всеми котлами и на практике ознакомиться с судовыми качествами корабля, на больших ходах. Проход Малакским проливом сопутствовался, обычными в это время, дождевыми шквалами, но нас накрыло всего лишь один раз, вымывши основательно потоками массы

К. П. Иванов — Тринадцатый
в чине капитан-лейтенанта

дождевой воды. В ночь накануне выхода в океан, навстречу были замечены огни судна, идущего с буксиром. Положив свой курс для безопасного с ним расхождения, мы приготовили все бортовые прожекторы, которые по сигналу судовой сирены должны были быть открытыми, чтобы осветить идущую группу судов; мы же оставались невидимыми в темную тропическую ночь при закрытых огнях.

При подходе к траверзу встречи, прожектора были открыты и мы осветили буксирный пароход, ведущий на буксире крупную подводную лодку, находящуюся в полном надводном положении и выкрашенную в голландские национальные цвета. Расстояние было небольшое и нам ясно было видно в бинокли, какой переполох на них наделала неожиданная для них встреча и наша иллюминация. На утро, при проходе нашем в небольшом расстоянии от

острова «Пуло-вей», из порта полным ходом вышел какой-то вооруженный портовый пароход под голландским флагом, с группой военных людей; видимо этот пароход стремился приблизиться к нам в расчете, что мы зайдем в порт, но, так как на нем не было никакого сигнала, то я и не счел нужным задерживаться для переговоров и прежним ходом продолжал путь, выходя на простор Индийского океана. Машины «Пересвета» работали исправно на полный ход, но при всех потугах обещанных японцами 17-ти узлов достигнуть так и не удалось; средняя скорость, с которой «Пересвет» шел до Коломбо, выразилась в 14-ти узлах. Не имея никаких указаний для подхода в Коломбо, я прошел вдоль западного побережья острова Цейлона в небольшом от берега расстоянии и, приняв в надлежащем месте лоцмана, вошел в порт Коломбо, где меня поставили на

якоря и бочку около мола при его окончности у выхода из порта.

Опросы местного лоцмана не дали никаких угрожающих сведений о подходе к Коломбо, а между тем, когда через 8 месяцев мне вновь пришлось быть в Коломбо, при своем возвращении в Россию, после гибели «Пересвета», то местный консул рассказал мне, что за этот промежуток времени погибло два парохода с каучуком, взорвавшись на кем-то поставленных минах вдоль побережья, следствием чего выход из порта был организован прямо на West на далекое расстояние по протравливаемому фарватеру до больших глубин. Были ли при проходе «Пересвета» поставлены эти мины вдоль побережья и нам пришлось благополучно их миновать — я не знаю, но это служит показателем того, что даже английское командование не было осведомлено в даваемых им инструкциях для плаваний своим союзникам.

Сделанный полным ходом переход обнаружил слабые места в механизмах, кои необходимо было привести в порядок; пересмотреть и вычистить котлы, заменивши попорченные элемнеты, принять полный запас угля и т. п. В общем для приведения материальной части в порядок стоянка в Коломбо требовала не менее 12 дней, а кроме того впереди предстоял последний переход до Красного моря, на котором еще было возможным произвести хоть одну — две практических стрельбы для проверки как материальной части, так и личного состава, ведь было бы недопустимым притти на театр военных действий кораблю, который ни разу не стрелял, но с другой стороны мы не знали в точности, какая погода нам будет сопутствовать на этом переходе. Хотя и было время перемен муссона со штилевой погодой, тем не менее я запросил местное военное начальство с просьбой указать мне возможное место для боевых упражнений. Англичане указали мне на великолепную бухту Тринкономали, находящуюся на восточном побережье острова Пайлонга, где мне разрешили заняться какими угодно боевыми упражнениями, но дело в том, что чтобы попасть в эту бухту, нам надо было обойти весь остров, огибая его с южной стороны, на что затрачивалось бы около двух дней в один конец. Считая, что стрельбы заняли бы два дня, да поход пять дней и стоянка в Коломбо для машинных надобностей двенадцать, я испросил разрешения Морского Министра задержаться в Коломбо 19 дней, о чем и послал шифрованную телеграмму.

В один из ближайших дней после нашего прихода в Коломбо, в океане появился какой-то пароход под русским национальным флагом, идущий с запада. Это нас заинтересовало и мы с нетерпением стали ожидать его прихода в порт. Пароход оказался нашим ледоколом

«Добрыня Никитич», идущим из Англии на Дальний Восток. Явившийся капитан ледокола подробно меня информировал о погоде в океане, где при выходе из Аденского залива он встретил крупную зыбь, заставившую его спуститься к экватору, а также осветил положение дел на театре военных действий — в меру своей осведомленности, главным образом на счет Средиземного моря, через которое мне, вероятно, предстояло пройти. Его информация не могла быть успокоительной — террор подводных лодок в Средиземном море был в разгаре, хотя ледоколу и удалось проскочить благополучно. Постройка этих новых ледоколов нас всех интересовала, почему я просил разрешения капитана, для желающих офицеров, подробно осмотреть ледокол.

Во время ответного визита, капитан «Добрыни Никитича», был любезен и подробно ознакомил меня со своим судном. Невольно пришлось восхищаться, осматривая и знакомясь со всеми мелочами и удобствами этого крошечного, но так прекрасно сконструированного судна и позавидовать всем мелочам морской техники снабжения, удобству и комфорту размещения, которых мы и двадцатой доли не имели на нашем старом «Пересвете».

На свой телеграфный запрос от Морского Министра я получил ответ, в котором было указано, что на всю стоянку в Коломбо мне разрешено лишь 12 дней и ни слова не было указано, как то было обещано в секретной инструкции маршрута, каким путем я должен был продолжать плавание, в силу чего я вновь послал запрос Министру, каким маршрутом мне надлежит следовать. Несмотря на то, что с нашей стороны делалось все для возможно быстрого продвижения корабля, без задержки, вперед, видимо, Петербург нервничал и торопил все время, не желая считаться ни с обстоятельствами, ни со скоростью нашего корабля. К истечению 12-ти дневного срока нашей стоянки был получен наконец ответ на мой последний запрос, ответ, сыгравший столь роковую роль в судьбе «Пересвета». Морской Министр, подтверждая свое распоряжение на данный мне срок стоянки в Коломбо, телеграфировал, что Морской Генеральный Штаб находит возможным, по обстоятельствам положения дел на фронтах, мне следовать в Англию в порт Гриннок маршрутом № 1, то есть через Суэцкий канал и Средиземное море. Столь мудрое решение Морского Генерального Штаба, после полученной мной информации от капитана ледокола о том, что делалось в Средиземном море, давало право думать, что наш Генеральный Штаб не был хорошо осведомлен о положении вещей, так как в противном случае не взял бы риска предписать двигаться маршрутом № 1, с чем мне и пришлось ознакомиться впоследствии на

практике. К освещению этого вопроса, я еще вернусь в своем месте; всем же нам, плававшим на «Пересвете», было ясно, что пойдя мы маршрутом № 2, вокруг мыса Доброй Надежды и будучи свободным в выборе своих путей по шире Атлантического океана, мы имели бы больше шансов для благополучного достижения намеченной цели, тогда как маршрут № 1, не позволявший свободы в выборе путей, направлял нас определенно в руки скрытого врага и на душе у всех явилось с этой минуты предчувствие какой-то обреченности и надежда была лишь на счастье.

Но, дисциплина не позволяет рассуждать, а взять на себя инициативу не выполнить приказания, конечно, не могло явиться у меня в мыслях, почему и пришлось, скрепя сердце, подчиниться полученному предписанию.

Предписание же это указывало дальше следующее: «По приходе в Порт-Саид, распоряжением английского командования, вам будет назначен эскорт для проводки и охраны в Средиземном море до выхода в океан через Гибралтарский пролив.

VI. От Коломбо до Адена.

Подогнав работы, по перемене испорченных элементов котлов, и приведя в порядок механизмы, точно через 12 дней «Пересвет» покинул Коломбо и вышел в океан. Перед выходом я послал Морскому Министру телеграмму следующего содержания: «Согласно полученного предписания Вашего Высокопревосходительства выхожу по назначению, без всякой боевой подготовки, рассчитывая на переходе до Адена произвести несколько стрельб, если обстоятельства погоды позволят».

За два дня до нашего ухода из Коломбо, туда пришел английский крейсер «Ньюкестль», с командиром которого я обменялся визитами, но он, как и я, следуя на запад, не был хорошо информирован о положении дел на морском фронте: он очень интересовался куда я иду, но не в моих правилах было посвящать лиц, не имеющих к тому касательства, в подробности своих действий, да я и не имел права этого делать, а потому уклонился от подробного ответа и ограничился лишь общим указанием, что держу курс на запад.

Английский командир, видимо бравирюя ходом своего крейсера, с уверенностью сказал, что мы увидимся скоро в пути, так как он очень спешит в Порт-Саид и думает сделать переход большим ходом и поставит себе для практики открыть мое место пребывания, обгоняя меня в пути. Я спокойно ему возразил, что это ему сделать не удастся, а что я наверное буду знать его место нахождения; конечно, это было сказано мной шутя, чтобы подзадорить

самоуверенность молодого англичанина, но жаль, что я с ним не держал пари.

Наша стоянка в Коломбо ничем особенно интересным не ознаменовалась, кроме того, что пришлось принять участие в бракосочетании и. д. нашего консула, он же и агент Добровольного флота. После состоявшегося с ним знакомства, его жена англичанка пожелала, чтобы ее брак был бы законным, легализирован церковным путем по вероисповеданию ее мужа и «узнавши, что на «Пересвете» есть священник, весьма настойчиво просила совершить этот обряд. Рассмотревши документы, наш батюшка не нашел к тому препятствий и обряд был совершен у них на даче в торжественной, но скромной обстановке, в которой мне совершенно неожиданно пришлось играть роль пожеланного папаша настойчивой молодой, несмотря на то, что она состояла в браке с консулом уже более семи лет.

В назначенный день, пришлось распространиться с уютным Коломбо и, отойдя несколько десятков миль, сбросивши большой пирамидальный щит, построенный из бамбука и парусины, мы произвели по нем нашу первую боевую стрельбу из всей артиллерии, кроме башенных орудий, так как я решил их не превозжить без крайней необходимости, будучи уверен в их материальной исправности, но в то же время опасаясь, что если бы при этой учебной стрельбе произошли какие-либо поломки, то нам бы пришлось войти в сферу боевых действий с испорченными башнями, так как на пути более не представлялось возможности их серьезного ремонта. С особенным интересом пришлось отнестись к стрельбе нашими ныряющими 6 снарядами, предназначенными специально против подводных лодок. К сожалению, ввиду крайне ограниченного запаса их, мы имели возможность израсходовать этих снарядов не более одной штуки на орудие. Все подводные разрывы их действовали без отказа и фонтаны волны напоминали характер минного взрыва в миниатюре; последними выстрелами, щит был подорван и разбит в щепы. После этой стрельбы получилось какое то удовлетворение, орудийная прислуга убедилась, что их пушки стреляют, удостоверившись в их материальной исправности.

Дальнейший переход протекал при благоприятной погоде дни наполнялись учениями и занятиями. Особенное внимание я обратил на группу юнkers флота, в которую входили еще один вольноопределяющийся и гардемарин Морского Корпуса, мой сын, которого после тяжелой болезни и перенесенной операции Морской Министр разрешил взять в плавание на «Пересвете» и который приехал ко мне перед уходом из Японии. На занятия этих пяти юношей было обращено особое внимание и судовые

офицеры с полной отзывчивостью и охотой распределили между собой труд по занятиям с ними по всем специальностям, придерживаясь теоретических программ Морского Корпуса, а также молодежь была приспособлена к причину несения всех специальных практических служб на корабле, применяясь к обязанностям младших офицеров. Следя за их занятиями, я вынес впечатление, что подобное трех-четырёхмесячное плавание давало им значительно больше, чем пребывание на судах своего кадетского отряда.

В силу того, что на корабле не было равно никаких противоаэропланов средств защиты, пришлось пуститься на изобретения. С помощью судовой мастерской по чертежам старшего артиллерийского офицера, удалось смастерить установочный станок для двух пулеметов, могущих действовать в вертикальной плоскости, а также из лучших стрелков был организован ружейный взвод, предназначавшийся, с двумя пулеметами, действовать против воздушной атаки аэроплана. Для практики, по верхним целям, было произведено несколько стрельб по выпускаемым воздушным змеям, совместно с произведенными еще несколькими стрельбами из мелкой артиллерии и неожиданными тревогами по выбрасываемым за борт бочкам с флажками. Быстрота тревог наладилась и люди знали дело хорошо; не думаю, чтобы все эти импровизированные боевые средства имели бы серьезное боевое значение, но упражнения эти благотворно влияли на моральную сторону команды, сознающей, что мы не будем застигнуты врасплох неподготовленными.

Как и в начале плавания, я продолжал идти ночью с закрытыми огнями; практикой и требованиями было достигнуто то, что с закрытием огней ни одна искорка, никакой просвет не был замечен на корабле со стороны.

Подходя ночью к Миникойскому маяку и прокладывая курс южным проходом, мы заметили сзади на горизонте свет многих прожекторов быстро нагоняющего нас военного судна. Будучи уверенным, что это нагоняет нас крейсер «Ньюкестль», вышедший после нас из Келомбо, я решил не открывать огней, продолжая путь в полном затемнении, идя своим курсом и, когда он нас обгонял по траверзу, в сравнительно небольшом расстоянии, был записан в вахтенный журнал момент встречи и отмечена широта и долгота места. Мы все любовались действительно красивой картиной в темную непроглядную ночь. Крейсер шел ходом свыше 18 узлов, освещая всеми своими прожекторами окружающий его горизонт на 360°; причудливо пронизывающие ночную темноту блестящие белые щупальцы бегали по горизонту, как бы создавая нарочно придуман-

ную иллюминацию. Несколько раз луч прожектора проскальзывал по «Пересвету» и вот вот казалось, что он остановится на нас, но этого не случилось и англичанин, не открыв нас, стал быстро уходить вперед против нашего 8-ми узлового хода. Картина действительно захватывающая и завидная для всякого художника, но мне, наблюдавшему ее с другой точки зрения, такая иллюминация очень не понравилась и, как у подводного офицера, сейчас же явилась мечта в этот момент быть хоть на самой маленькой подводной лодке, которая без труда и своевременно имела бы возможность выйти на курс такого своего противника и почти без риска для себя, но также и без промаха, атаковать его своими минами.

Наконец переход Индейского океана заканчивался, начинался легкий Но-вый муссон, не поднимавший никакой волны, но приносивший некоторое освежение в раскаленные внутренности корабля. В один из вечеров открылся остров Сокотра и мы вошли в Аденский залив. Офицеры попросили разрешения заняться ловлей акул, но все попытки улова не привели ни к чему, видимо даже еле вращающиеся винты корабля пугали этих хищников здешних мест, не соблазняя их на вкусную приманку. С рассветом, подняв лоцманский флаг, мы пошли к порту и, приняв лоцмана, вошли в гавань.

В Адене мы застали английский крейсер I ранга, старого типа, установленный в глубине бухты на якорях, лагом к турецким позициям, в помощь сухопутному английскому гарнизону, находящемуся также на позициях для защиты Адена.

В мои планы не входило задерживаться здесь и, так как машины еще позволяли следовать дальше без подтяжки, то было решено, по принятии угля, воды и провизии, следовать в Порт-Саид.

После обычных визитов к надлежащим лицам и заказа необходимых приемов, я получил от английского гарнизона, с офицерами крейсера, приглашение к ним на обед, с обещанием показать позиции противника. Не имея обычая покидать корабля без нужды на самое даже непродолжительное время, я предложил Старшему офицеру заместить меня, с предложением г.г. офицерам воспользоваться приглашением в, положенном для съезда на берег, половинном количестве. Не могу не остановиться на воспоминании об этой поездке, как носящей трагикомический характер. Англичане с присущим им гостеприимством, которое оказывалось нам за все время плавания, и на этот раз оказались на высоте положения. К назначенному времени был послан отдельный поезд (дековилька), который, забрав приглашенных, отвез их в английское офицерское собрание, находящееся у позиций. После хлебо-

сольного угощения, офицерам было предложено проехать ближе к турецким окопам для ознакомления с существующей картиной. Положение на фронте уже порядочное время носило совершенно мирный характер. Каждый из противников, закопавшись в свои окопы, предавался полному бездействию, занимая выжидательную позицию и не тревожа друг друга никакими обстрелами или вылазками, блюдя экономию боевых припасов.

Для продвижения к передовым позициям, офицерам были предложены передвижные средства в образе верховых лошадей и верблюдов. Состарилась значительная кавалькада из гостей и хозяев, которая и двинулась в путь, приближаясь к позициям противника. Наш флагманский врач доктор Р., как самый солидный из компании, предпочел избрать для передвижения более надежное — верхового верблюда, остальные офицеры предпочли хороших лошадей, ведь это давно известная истина — любовь моряков джигитнуть верхом и щегольнуть своими кавалерийскими талантами. Но лишь только кавалькада двинулась в путь и прибавила ход, перейдя в рысь, как наш почтенный доктор, не будучи в состоянии справиться с качкой корабля пустыни, после значительной борьбы и эквилибристики, вылетел из седла и свалился на песок, значительно отбив свои старые косточки, так как по возвращении из экспедиции, два дня лежал в постели. Это крушение задержало скорость передвижения кавалькады и, когда первое замешательство прошло, произошел второй случай, заставший вернуться обратно всю кавалькаду и, только по счастливой случайности, не закончившийся трагически для лейтенанта С. Очень жизнерадостный и веселый офицер, лейтенант избрал себе для прогулки верховую лошадь горячего темперамента и бодро гарцевал на ней до той поры, пока она не пришла в сильно разгоряченное состояние под неумелым управлением всадника и не понесла его карьером прямо на турецкие позиции; в догонку за ним поскакали два сипая — вестовых, чтобы перенять вышедшую из повиновения лошадь. Картина этой скачки была достойна кисти художника — баталиста. На нее, с любопытством, повысыпали из своих окопов и англичане, и турки. Лейтенант С., видя, что ему не справиться с лошадью и что данный курс ведет «к опасности», решил на крайнюю меру: с полного хода отдал якор и, бросив всю кавалерийскую оснастку, связывавшую его с конем, выкинулся из седла, как говорится, «за борт» и стал на мертвый якорь на земле. К счастью это падение прошло для него благополучно, если не считать испорченного и разорванного костюма: лошадь была поймана ординарцами. На этом объезд позиций и был закончен и, лишь

при возвращении в собрание, созданное вновь настроение позволило весело закончить гостеприимный банкет.

Через три дня, по завершении приемов запасов, мы покинули Аден, войдя в Красное море, для перехода в Суэц.

VII

От Адена до Суэца и Порт-Саида.

Не смотря на дувший небольшой ветер, Красное море приняло нас в свои горячие объятия, однако машинная и кочегарная команда держала себя молодцами. На середине Красного моря, полходя к острову с маяком, мы усмотрели на последнем сигнал по международному своду: «просим приблизиться, нужна медицинская помощь». Изменив курс и подойдя к острову с подветренной стороны, я послал на берег баркас с двумя офицерами, доктором, медикаментами, провизией и пресной водой. Оставаясь около острова с застопоренными машинами, нам пришлось потерять около трех часов времени в ожидании посланных.

Остров представлял собою безформенную массу вулканической породы, лишенную какой-либо растительности и видимо удобных тропинок для подхода к маяку, расположенному на самой вершине: было ясно видно в бинокль с каким трудом посланные отыскивали себе дорогу, прыгая с камня на камень, а по возвращении домой все оказались без подметок, стертых каменистой почвой острова. По возвращении, врач доложил мне, что на маяке ими были найдены несколько рабочих, занятых какими-то ремонтными работами, а из администрации смотритель маяка с помощником оказались больными брюшным тифом, у первого — в начальной стадии, а у второго — уже в разившейся форме. От предложения, забрать их на корабель для доставки в Суэц, они категорически отказались, прося лишь, по прибытии в Суэц, дать знать портовым властям о присылке парохода со сменой и списания их в госпиталь. Они, с благодарностью, воспользовались кое-какой из присланной провизии, пресной водой и некоторыми лекарствами, оставленными им доктором.

Поднявши баркас, мы продолжали свой путь, было около трех часов пополудни. Через несколько времени мы разошлись с пассажирским пароходом под английским флагом, идущим из Суэца на юг.

После 8 часов вечера наше радио начало принимать вызов S. O. S., с позывными этого парохода, в котором он пояснял, что с полного хода вылетел на остров, где мы только что оказывали медицинскую помощь, но что пассажиры и экипаж в безопасности. Что послужило причиной катастрофы для меня так и осталось

неизвестным, весьма вероятно, что маяк не зажег в свое время положенного освещения, а капитан не имел своего точного места, чтобы обойтись без маяка. Первым моим порывом было повернуть обратно на помощь пострадавшему, но сделанный подсчет указал на нецелесообразность такого маневра, ибо получаемые радио указывали, что на помощь к месту аварии направляются два английских парохода, кои прибудут к месту через два часа, для нас же возвращение требовало бы около пяти часов времени и, принимая во внимание безопасность пассажиров и экипажа, не счит возможным отрываться от своей прямой задачи и прошел в Суэц.

По приходе в Суэц, тотчас же было заявлено портовым властям о больных на маяке, а также и об аварии с пароходом и, по выполнении портовых формальностей и принятии лоцмана, через несколько часов мы снялись с якоря и вошли в канал.

Отказавшись от услуг частных шлюпок, для завозки перлиней на берег, в случаях необходимости швартоваться к нему и, будучи хорошо знакомым с условиями прохода по каналу по предыдущим своим рейсам, я спустил на воду 1-ый гребной катер, на который был подан новый 9" перлинь, посажены гребцы с офицером и катер взят на правый бортовой буксир. Лоцман, припущенный мне для проводки, был какого-то неопределенного образца, но, во всяком случае, в нем было мало и английского и французского. мне казалось, что он более всего смахивает на итальянца, но во всяком случае по наружному виду он не внушал к себе доверия. Указав ему, что на корабле действуют три машины, что корабель не любит больших переключек руля, так как очень тяжело останавливает свою начатую циркуляцию и что, для передачи его распоряжений, рулевым поставлен офицер — мы двинулись в путь при начавшемся, приливном, попутном нам, течении.

В своем начале, от Суэца, канал имеет не облицованные песчаные берега, позволяющие идти только самым малым ходом и, имея достаточно прямой фарватер, не представляет для следования каких либо трудностей. Пройдя вторую контрольную сигнальную станцию на берегу и имея ход узла на 4, превышающий попутное течение, корабль несколько рыскнул, что взволновало лоцмана, сразу бросившего руля на противоположный борт, вследствие чего мы потеряли курс середины канала. Растерявшийся же лоцман, видимо, никогда не управлявший тяжелым военным трехвинтовым судном, в помощь рулю дал бортовой машине задний ход, корабель, покотившись вправо, врезался носом в песчаный берег. Машины сейчас же были застопорены, а попутным тече-

нием корму отбросило к противоположному берегу, поставив корабель почти поперек канала. Попытка дать задний ход левой машине не имела успеха, так как винт черпал по берегу. Оценив всю опасность положения корабля, я без замедления отправил катер с перлинем на правый берег (по движению судна), перлинь тотчас же был заведен за имеемые на берегу рымы и, взятый на кормовой брашпиль, туго обтянут. Тогда я получил возможность спуститься на полубак для осмотра положения. Оно представлялось таковым: фор-штевень врезался в песок правого берега, левый винт касался другого берега, но заведенный с кормы перлинь не давал возможности течению сильно наваливать корму на левый берег; при значительной осадке корабля, (до 28 фут) он, поставленный поперек канала, представлял из себя достаточно мощную плотину и значительное сопротивление приливному течению; вода, не успевая подходить под килем, начала промывать застрявший в песке фор-штевень, постепенно освобождая его из берега: наконец, получился такой момент, когда освободившийся нос сам оторвался от берега и, благодаря перлиню, корабль покатился влево становясь на ось канала. Этим моментом я успел воспользоваться и дал сразу ход машинам, чтобы получить управление в руки: в это время перлинь лопнул, но это уже не имело значения, так как корабль был на фарватере и получил движение, превышающее скорость течения, по чему без труда лег на следваемый курс. Не имея возможности уменьшить ход и видя, что катер, выбиваясь из сил, не может нас догнать, отдал распоряжение прицепиться к следующему за нами до Измаилии пароходу. Только теперь, когда все обошлось благополучно и мы были вновь на оси канала, я дал выход всем накопившимся против лоцмана «парам злости и возбуждения».

Избавив его всем, имевшимся в моем распоряжении, морском лексиконе ласковых слов и погрозив выкинуть его за борт без шлюпочного сообщения с берегом, категорически воспретил ему давать какие бы то ни было указания для управления судном, приставил к нему офицера для получения лишь объяснений сигнализации фарватера и указаний очередных станций и знаков незнакомых нам и, управляясь судном самостоятельно, продержал этого типа на мостике до вечера, пока мы не пришли в Измаилию, где стали на якорь для ночевки. Безпрерывного движения по каналу в то время не было, так как близость турецких позиций около «Кантары» — место расположения главного английского лагеря, не позволяла пользоваться прожекторами для ночного движения судов по каналу, а ночевка около «Кантары», прижавшись на швартовых к берегу, была мало

заманчива, в силу чего я и предпочел ночевать на якоре в Измаилии.

По приходе в Измаилию, мной был вытребован лоцманский старшина, которому, с соответствующей аттестацией, и был сдан наш злополучный лоцман и заявлено, что по приходе в Порт-Саид об этом случае будет доложено английскому командованию и сделано заявление в центральное управление Суэцким каналом. Поднятый тарарам, видимо, навел известный страх на лоцманского старшину, который обещал к утру прислать лучшего лоцмана для дальнейшей проводки. С рассветом следующего дня, приняв лоцмана, мы снялись с якоря и продолжали свой путь.

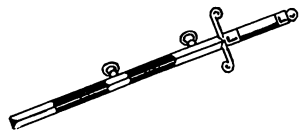
Не смотря на несколько извилистый фарватер при выходе из Измаилии, наученный горьким опытом, управление судном оставил в своих руках и пользовался лишь сигнальными указаниями лоцманской части; лоцман с восхищением любовался послушностью корабля, причем не только не приходилось обращаться

к вмешательству машин, но даже переключать руля более как на 5^0 , даже весьма запутанных поворотах. Невольно мне пришла в голову мысль после вышеописанного инцидента, что не было-ли в нем второго очередного покушения на «Пересвет» после загадочной истории с неисправностью руля при подходе к Сингапуру, так и оставшейся не расшифрованной.

Дальнейший путь до Порт-Саида, не представляющий собой интереса, чтобы на нем останавливаться, мы совершили благополучно и, в три часа по полудни, по указанию лоцмана, который на этот раз действительно оказался на высоте своего положения, мы стали на два якоря и кормовые швартовы в небольшом бассейне около самого дворца управления каналом, где располагалась также и военно-административная портовая часть английского командования.

(Продолжение следует)

К. Иванов-Тринадцатый

ВОЕННО-МУЗЫКАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

« НАША СЛАВА »

Марш лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка.

Рояль и мужской хор изд. А. А. Скрябина

Цена: 2 нов. фр. и 50 амер. ц. в странах заокеанских.

«Военная история в звуках» — вышел второй диск: Императорский Гимн, Коля славен, марши л.-гв. Семеновского, Московского, Финляндского, Кирасирского Его Величества, 13 драг. Военного Ордена полков и Конной Артиллерии.

Принимается подписка на первый и третий диски с маршами Русской кавалерии. Заказы на ноты и диски принимаются в редакции «Военной Были».

С в е т е т и х и й

Отрывки личных воспоминаний, сопоставление со свидетельствами других лиц, плод размышлений над столь далеким уже событием, мой очерк не является — ни в какой мере — историей незабвенного героя Романа Исидоровича Кондратенко. Это, несомненно, сделано другими!

Он был военный, генерал, и генерал с исключительно широким кругозором, всецело преданный своему делу и долгу. Однако, подобных можно найти много в военной истории мира. Но кто еще из военных вождей являлся одновременно олицетворением «гармонии человечности» — этого неоценимого дара природы? С первой же моей встречи с ним, я почувствовал его обаяние, обаяние человека с открытой для всех душой, братской доброты, живущего в полном забвении себя и, в то же время, одаренного ясным умом и преданностью долгу.

Вот эту-то сторону его светлой личности и постараюсь я очертить, как могу.

Назначенный, после гибели «Петропавловска», в штаб крепости для технической связи с флотом, я начал, естественно, с моего представления генералу Стесселю (Нач. Обороны Квантугского Укреплённого района), генералу Смирнову (Комендант), Белому (Нач. Артиллерии крепости), полковнику Григоренко (Начальнику инженеров кр.) и, наконец, генералу Кондратенко. Хотя последний командовал строевой дивизией и как будто не имел никакого отношения к технической части обороны крепости, но, неожиданно встреченный в штабе крепости, мой старый знакомый офицер ген. штаба подполковник Лмитрий Йосифович Гурко, с которым мы в 1902 году производили в течение трех месяцев секретную разведку и съемку в Турции (верхами от Албании до Дарданелл), под видом археологов, и в комнате которого, при штабе, я поселился, отозвался о нем в первый же вечер нашего сожительства как об единственном настоящем начальнике. Визиты к первым, несмотря на весьма радужный прием, оставили впечатление, что они не знали, что со мною делать. Направился к генералу Кондратенко. Попал к нему во время военного совещания в столовой, полной штаб-офицерами. Признаться, чувствовал себя не в своей тарелке под любопытными взорами всех этих, порой весьма почтенных, офицеров чуждого мне оружия. Представился Кондратенко.

Он пристально посмотрел на меня, но с совершенно другим выражением чем прочие, и медленно сказал:

«Вас-то нам и нужно. Если вы хотите (сильное ударение на последнем слове) помочь, работы не мало. Нам нужны прожекторы, орудия, пулеметы, может быть мины и, наконец, люди, которых только флот имеет. Подождите немного, мы сейчас кончим». По мере его краткой речи я чувствовал, как какая-то внутренняя связь устанавливается между этим ученым (академии генерального штаба и инженерная) высокого положения генералом и мной, неизвестным ему совсем молодым офицером. Я был к тому же весьма моложав и в штабе крепости старые офицеры называли меня «лейтенант-мичман».

Вскоре он вошел в кабинет и неожиданно спросил: «достаточно ли у вас связей, чтобы вести дело личными, словесными переговорами? Теперь не время рапортов».

На мой ответ, что я из морской семьи, что со стороны личных отношений с командным составом не будет никаких затруднений, что флот готов сделать все, что потребует оборона крепости, но что мы, моряки, ничего не понимаем в технической стороне сухопутного дела и флоту нужно знать определенно, что от него хотят, Кондратенко ответил:

«Нужно действовать быстро, ознакомьтесь с фронтом, советуйтесь на месте с кем найдете нужным, при малейшем сомнении или трудности с кемнибудь из сухопутных начальников, не колебайтесь обратиться ко мне. Если нужны люди, будь это рота или даже батальон, — саперные инструменты, перевозочные средства, действуйте моим именем. Не стесняйтесь с реквизициями».

Надо сказать, я не понял тогда, по молодости лет, необычайности подобных полномочий. Поразила только, вызванная его словами, атмосфера обстановки, внутренний ритм ее. Но вместе с тем, самая манера генерала говорить, горячая и дружественная, наэлектризовывала и влиwała энергию.

Бесчисленное количество раз я телефонировал в разные части всевозможные требования, начиная:

«По приказанию генерала Кондратенко...» и никогда не только не встретил ни малейшего возражения, но всегда необычайную готовность выполнения. За три, приблизительно, месяца работы мне не пришлось написать ни одного рапорта, карманная книжка с отрывными листами и карандаш были единственными канцеляр-

скими моими спутниками повсюду: на эскадре, на фронтах, на батареях и фортах, при реквизициях в городе.

Мне пришлось затем обратиться к генералу за указаниями, или советом, не более 5-6 раз и каждый раз я уходил от него под влиянием все увеличивавшегося очарования и с новым приливом энергии.

Скажу, что начальник его штаба подполковник ген. штаба Науменко, со своими умными, серьезными глазами, видевшими, казалось, что-то за пределами того, на чем останавливался его взор, был необычайно гармоничным дополнением своего начальника.

Только раз, и то случайно, мне пришлось видеть Кондратенко в чисто боевой обстановке, а именно в так называемом деле на Зеленых Горах. Не помню точно места, где я находился, где-то за крайним восточным гласисом крепости, откуда открывался вид на складчатую долину, поросшую гаолянном и редкими кустарниками и на возвышавшиеся за нею склоны Зеленых Гор. В мой «Цейс» я хорошо видел цепи наших стрелков, поднимавшихся в атаку под разрывами шрапнелей и беспорядочным ружейным огнем. Вдруг заработали японские пулеметы. Это было первый раз, что я слышал их беспощадное сухое таканье сравнительно недалеко. Поднимавшиеся части дрогнули и откатились назад. Неожиданно от группы кустов отделяется знакомая фигура Кондратенко, махающего фуражкой, и придвигающегося навстречу отходящих и сбегающих людей. Он прсходит за их линии, откуда-то доносятся звуки музыки, слышны раскатыстые крики «ура». Кондратенко в белом кителе, все размахивая фуражкой под сосредоточенным огнем пулеметов продолжает подниматься по склону. Волны солдат перегоняют его, то исчезая, то появляясь снова все выше и выше.

Зеленые горы были взяты и временно удержаны.

Вот одна деталь, мною не замеченная по дальности расстояния, но поразившая военного инженера капитана Шварца, находившегося очень близко к месту боя:

Пришлось выбираться по подъему, все устали и генерал тоже. Приказал остановиться, лечь всем вокруг него, да поближе к нему, приказал курить, отдохнули, вскочил генерал, бросился вперед и все, как один, за ним. Легко понять, что чувствовали к нему люди.

Для него война, в противность представлению некоторых генералов, была не поприщем подвигов и быстрого выдвижения, но сугубо серьезным делом, организации которого он посвящал все свои умственные и духовные силы, а они были огромны. Он неустанно искал людей знания, доброй воли и инициативы для деятельного его выполнения. Крайне интуитивный

к тому-же, он, можно сказать, безошибочно выбирал людей, и не столько непосредственно руководил ими, сколько стремился развить их инициативу, оказывая им доверие, воодушевляя их простыми, меткими и сердечными словами, и давая все, бывшие прямо или косвенно в его распоряжении, средства для выполнения их работы, будь то техника, или обучение людей.

Из высших военных школ (Инженерная Академия и Академия Генерального Штаба) генерал Кондратенко вынес видимо нечто иное, чем добрый багаж схоластических формул вроде фатального «Стрелок не может укрыться от взоров неприятеля, когда неприятель находится под ним». Или влечение персидской монархии», резюмирующего победу Александра Македонского. Либо изящную игру формул пропорций и коэффициентов сводных частей войск и их взаимного морального влияния, с присокуплением богатого ассортимента схем расположений и движений полевых войск, да умственного атласа идеальных окопов, укреплений мостов, линий сообщений и т. п.

Всюду у него на первом плане была обстановка и все проникал «человеческий элемент», ибо он любил и понимал людей.

Знания его были разносторонни и обширны, область артиллерии и управления ее огнем была для него также открытой книгой, равно как и применение конных частей, где его понимание их роли далеко опережало его время (как говорил мне офицер генерального штаба Гурко, сам бывший улан). Кондратенко, служа уже около четырнадцати лет в строю, вдали от центров осведомления, не мог конечно пополнять эти знания иначе чем черпая в текущей специальной литературе, где часто встречаются лишь схемы методов и весьма редко примеры выполнений. Одаренный необычайной памятью, крайне восприимчивый мозг его неустанно работал с наиболее простыми средствами в обстоятельствах военного времени.

У него не могло случиться, что «гладко было на бумаге, да забыли про овраги».

Но, в противность большинству специалистов, он ясно видел известную ограниченность своих знаний, не скрывал этого и искал пополнения их. Для него в этой области положений, выслушивание предложения старых служаков, существовало. Он с одинаковым вниманием слушал молодых офицеров, нижних чинов и порой простых рабочих, попадавшихся ему, уподобляясь в этом отношении адмиралу Макарову.

Врожденная простота обращения, благожелательность в отношении всех обращавшихся к нему с какой-нибудь просьбой, доступность, скромность, полное отсутствие честолю-

бия, — качества, играющие в мирное время скорее в ущерб карьере ее обладателя, — были неоценимы в военное, привлекая к нему сердца как подчиненных, так и всех соприкасавшихся с ним лиц.

Он неустанно рекомендовал офицерам не утомлять понапрасну солдата, не запугивать его муштрой, избегать унижающих наказаний, заставляющих подчиненного внутренне свертываться, будить и развивать его внимание, учить по Суворовски «не указом, а показом», да поддерживать его добрым словом, или шуткой в трудные минуты.

Он не был генералом парадных смотров и военного красноречия. Ну, да что, лучше напомню сценку церемониального марша последнего дня удачных, но утомительных, маневров незадачливого Федотовского «Майора»:

Вот майором десять лет,
А надежды нет как нет
В подполковники подняться:
Все смотры мне не клеятся,
Все робею на смотрах,
Слово «смотры» наводит страх.
Просто хуже всякой бабы
... идут повзводно,
Все идут, идут, идут,
Мирным тактом землю бьют
Поле гладкое трясется,
Гул далеко раздаётся,
Эхо ближних рощ и гор
Дразнит музыкантский хор.
И от взводов крик несется
«Рад стараться, Ваше ство»
И на лицах торжество.
Взвод щетиистой грядой
Взвод сменяет чередой —
Все вперед, вперед, вперед,
Вот подходит мой черед.
Рад и страшно: сердце бьется,
Вдруг по полю раздается
Командирский голос: «стой»,
Барабанов смолкнул бой,
Все как в землю пригвоздилось
... .. рок ужасный.
Так и есть: в мой пятый взвод
Прямо корпусный идет,
Вот всевидящее око.
Он заметил издали
У канальи у одной
В пятом взводе под сумой
С табаком кисет проклятый!
Погубил меня взвод пятый.
Ждал схватить иль чин иль крест,
А попался под арест.

Так вот Кондратенко наверное усмотрел бы кисет и остановил бы батальон, да только, чтобы попросить «каналью» скрутить ему цы-

гарку среди расплывшихся в улыбке пожирающих его взорами лиц солдат, мгновенно забывших об усталости, а трепещущий майор услышал бы: «запасливый у вас молодец, спасибо!» И сердце его взвыло бы от восторга и преданности генералу, да и страх перед смотрами как рукой сняло бы.

Это был «наш генерал». Поначалу для войск его дивизии, он стал «нашим» для всех: для солдат в окопах и на фронтах, для матросов, обслуживавших пушки, прожекторы и мины, для гражданских, доставлявших провиант. И странное дело — никто, никогда не заикался о его «храбрости». Все чутьем понимали неприемлемость к нему этого эпитета. И воистину: нерушимое, спокойное мужество, являемое им при всех обстоятельствах вплоть до личного ведения атаки, как в деле на Зеленых Горах, не вяжется с этим определением, подразумевающим известный подъем чувств в нужную минуту. Элемента личной жертвы не существовало. Это был глубоко проникший его существо долг службы Родине.

И потому-то, мне кажется, он и не возмущался, или не болел душой, когда видел известную рознь офицеров разного рода оружия перед лицом неприятеля, особенно осязаемую на верхах командования — в генеральской среде, но в начале осады и среди прочего офицерства, а как бы недоумевал перед ее появлением. И необычайно спокойно и просто устранял ее препятствия.

Всем была известна его симпатия к морякам. Он был совершенно незнаком с флотом, но знал, что служба на море, по существу своему, полна разного рода опасностей, неожиданностей, воистину ответственна, развивала сметку и инициативу, знал, каким высоким процентом специалистов, обслуживающих многочисленные сложные, в большинстве отвечающие последнему слову техники, механизмы движения, связи и боя, обладали суда.

При первых же встречах с моряками он почувствовал, а затем и убедился, какой ценный материал представляла для общего дела эта свежая масса доброй воли, технических знаний, опыта, сметки, практической изобретливости и инициативы. Масса, не связанная к тому же мертвящим гнетом иерархических и административных пут — по той простой причине, что эти люди не были посвящены в секрет сложных каст и их взаимоотношений. Они, можно сказать, сразу же наивно расползались перед ним и выливали без всякой задержки мысли их разнородный товар, как лепту общему делу защиты крепости.

А между тем они встретили, поначалу, полчас известную враждебность среди ученых каст армии — инженеров, сапер, артиллеристов (правда, за некоторыми исключениями).

Инженеры: А. В. Шварц, по особому складу своего ума и независимости характера, начальник инженеров полковник Григоренко — из старой морской семьи, Л. Л. Затурский, человек открытого характера, связанный многочисленными дружескими отношениями с моряками, его брат был во флоте. Артиллеристы: некоторые командиры батарей крепости, как напр. 2-й и 5-й, Вамензон, бат. приморского фронта. Имена многих мною забыты.

Приведу примеры:

1. Во время одной жестокой грозы в конце июня, каскад молний, ударивших в минированное пространство перед укреплениями восточного фронта, вызывает возникновение индукционного тока в, ведущих к этим минам, проводах. Громадное количество мин взрывается. Почти непрерывный грохот продолжается больше часа. Всю работу надо начинать сначала. Но какая гарантия, что в следующую же грозу (а летом они в Артуре часты) катастрофа не повторится? А японцы уже на подступах к крепости. Сопровождение инженеров и саперов, из коих некоторые прошли военную электротехническую школу, приходит к заключению о невозможности защиты мин от действия молнии. Остается положиться на волю Божию.

Кондратенко сообщает об этом минному офицеру мичману Власьеву, занятому на позициях проверкой поставленных флотом прожекторов. Последний, работавший также и по радио, предлагает ввести немедленно в сеть проводов конденсаторы крайне простого устройства, подобные употребляемым на судах для защиты станций радио от мгновенных атмосферных разрядов. Буря среди инженеров. Председатель полковник Рашевский обвиняет Власьева в невежестве и шарлатанстве. Инж., ген. Базилевский, уже не у дел, застрявший в Артуре, пишет целый фалософски-научный трактат в доказательство абсурдности предложения и посылает его Кондратенко, а копию в штаб Командующего флотом. На это горячий Власьев быстро строчит ехидную записку, где выводит на чистую воду всю путаницу в мозгах генерала и представляет ее Роману Исидоровичу. Тот пробегает ее и, мягко улыбаясь, возвращает Власьеву со словами: «Бросьте бумажную полемику с инженерами, а приготовьте нам с людьми, которых я вам дам, как можно скорее ваши конденсаторы». И затем дает словесный приказ инженерам снабдить этими приспособлениями все вновь залагаемые мины. В дальнейшем, ни одного случая взрыва мин больше не было, несмотря на жестокие подчас грозы.

Я хорошо помню эту историю, будучи тогда уже на миноносцах, слышал и видел ночью эти взрывы и утром узнав в штабе эскадры на «Цесаревиче» о причинах их, удивился публич-

но, что саперы не употребляют конденсаторов. На замечание начальника штаба, что саперы с недавно открытым радио еще не знакомы, ответил, что, по существу, конденсаторы ничего общего с радио не имеют и что их свойства известны уже не менее 60 лет.

2. Подобную же картину встретило, со стороны на сей час артиллеристов, уже подлинное изобретение того-же Власьева, относящиеся к употреблению малокалиберных (47 мм.) ПУШЕК Гочкиса, снятых с судов и разбросанных повсюду на фронте. Снаряды их, предназначенные для действия по миноносцам, были мало действительны для уничтожения людей в окопах, или при атаках рассыпным строем. Власьев предложил воспользоваться этими пушками для метания в окопы японцев, или в их ряды при атаке своего рода мин, сделанных из консервных коробок, жести и пр., напичканных взрывчатым веществом с обломками железа, укрепленных на конце деревянного шеста, вводимого с дула в пушку. Просто и весьма действительно. Артиллерийский офицер капитан 2-го ранга Скорупо помог ему в баллистической части вопроса. Кондратенко сразу же оценил практическую импровизации и приказал применить ее, несмотря на глумление начальников полевой артиллерии (вскоре же смолкнувших).

3. Один из бригадных генералов (Никитин), ограниченный, бездарный, но верно отражавший (согласно его же собственному признанию в письменном сумбурном дневнике, им оставленном) взгляды Стесселя, у которого он жил, отличался своими выпадами против моряков и артиллеристов. На одном совещании у Кондратенко бригадный не постеснялся выпалить непечатное замечание по адресу матросов, вызванных для контр-атаки. Он — обязанный уже несколько раз удержанию своих позиций контр-атакам моряков, несших большие потери офицерами и нижними чинами. Кондратенко с недоумением взглянул на него и только тихо, но твердо заметил «Ваше Превосходительство, это мои лучшие войска».

В период подготовки крепости перед августовскими штурмами, деятельность Кондратенко выходила далеко за пределы его официальной власти. Из офицеров, приходивших к нему на краткие совещания, многие не имели никакого отношения к его дивизии: артиллеристы фортов и батарей крепости, инженеры офицеры дивизии генерала Фока. Очевидно, что наиболее деятельные офицеры (между ними и начальник штаба самого Фока) стекались к нему, как к источнику энергии, ясности мысли, определенности заданий и обширных познаний, и что прочие командующие генералы

были совершенно согласны с таким положением, внутренне сознавая его авторитет.

Я был несколько раз лично свидетелем этих совещаний, но по молодости лет и незнанию со структурой армии, не придавал этому аномальному явлению того значения, которое оно приобрело в моих глазах в более зрелые годы.

Это продолжалось и в дальнейшем развитии осады, когда порою появлялся у него, или звонил по телефону, знаменитый своей храбростью полковник Ирман, подчиненный Фоку, и игнорировавший своего начальника. Он, между прочим, обладал слабостью не расслышать порой приказание Фока по телефону, на подобие Нельсона под Копенгагеном, не усмотревшего сигнала своего старшего флагмана. Были и другие.

Это ставило Романа Исидоровича в деликатное положение, но он с необычной тактом выходил из него: быстро схватывал обстановку и, ответливо розмержуя ее, давал только свое мнение. Но это мнение принималось искавшими его как приказание.

Правда, Ирман, человек порыва и инициативы, и не нуждался в приказах, а искал лишь уверенности, что его действия не запутают неожиданно положения.

К счастью, в дальнейшем Кондратенко с назначением его начальником обороны всех атакуемых секторов, мог уже непосредственно распоряжаться частями дивизии Фока, оставшегося лишь их административным начальником. Были однако случаи, что Фок неожиданно закидывался, что вызывало замедление исполнения.

Ровность характера — невозможно было представить себе Кондратенко в состоянии нетерпения или гнева, — производила на людей необычайно успокаивающее влияние. Для командующих офицеров оно было особенно благотворно. Случается, что офицер, как бы мужествен он не был, в трудные минуты склонен преувеличивать свою личную ответственность. Иначе говоря, думает о себе, что он вызывает нерешительность действий. Несколько слов Кондратенко, сказанных спокойным и душевным тоном, достаточны, чтобы он почувствовал себя облеченным доверием начальника, который не требует невозможного и, если нужно, поддержит, ибо думает о его миссии. А ему самому остается только наперечь все свои силы для ее выполнения.

Никому в голову не могло прийти сомневаться в целесообразности распоряжения генерала Кондратенко. Крайне кровопролитные бои под Высокой и на Высокой горе могли продолжаться так долго только при этих условиях. Люди шли туда, как на верную смерть, но шли без ропота. Значит так нужно. И Кондратенко де-

лал все, чтобы беречь людей, вводя в эту кровавую бойню только минимум бойцов для отражения атаки, или для выбития японцев из занятых ими позиций. При тех могучих подавляющих технических средствах, которые ввел под конец в действие противник для обладания Высокой горы, всякая другая тактика повела бы несомненно к ее более быстрому занятию в связи с колоссальным истреблением наших людей.

По единодушному свидетельству очевидцев, вид Высокой Горы в дни последних боев на ней был необычайно страшен; так как атаки велись и отбивались главным образом ручными гранатами, то не было почти ни одного трупа не истерзанного от взрывов динамита и пироксилина. У большинства трупов, от громадного количества которых почернела гора, не хватало или ног, или рук, или головы. Все эти трупы сбивались в кучу вышиною в 1,3 - 1,7 метров. Это было какое-то рагу из изуродованных частей в соусе из крови, мозгов и внутренностей. Коменданты горы сменялись чуть ли не ежедневно, падая убитыми.

Ввиду серьезности положения, генерал Кондратенко выразил пожелание о командировании в качестве коменданта подпоручика Бутусова, пользовавшегося предоставленным ему на несколько дней отпуском. Кондратенко со своей обычной деликатностью обратился к командиру полка Семенову, начальнику Бутусова:

«Скажите Бутусову, что я не приказываю, а очень прошу его отправиться на Высокую Гору, он там нужен, попросите его от моего имени».

Семенов, провожая Бутусова, немедленно отправившегося на Высокую, сказал своему адъютанту: «И этот не вернется». на следующий день Бутусов был убит.

Вскоре после этого, ночью 2-го декабря 1904 года, Роман Исидорович был убит. И перст Судьбы: сыграв, с непревзойденной скромностью свою великую и славную роль в этом мире, он отошел в иной многовенно и безболезненно — без одной раны, или наружного повреждения. Лицо его сохранило выражение глубокой задумчивости.

Его называли «Душа Обороны». Конечно это было так. И почести, возданные японцами его праху, лучшее свидетельство его оценки врагами. Но эта «Душа» заключала еще то, что так исключительно редко — «Свете Тихий», привлекавший неотразимо сердца людей и освещавший их души на пути самопожертвования на служение Родине.

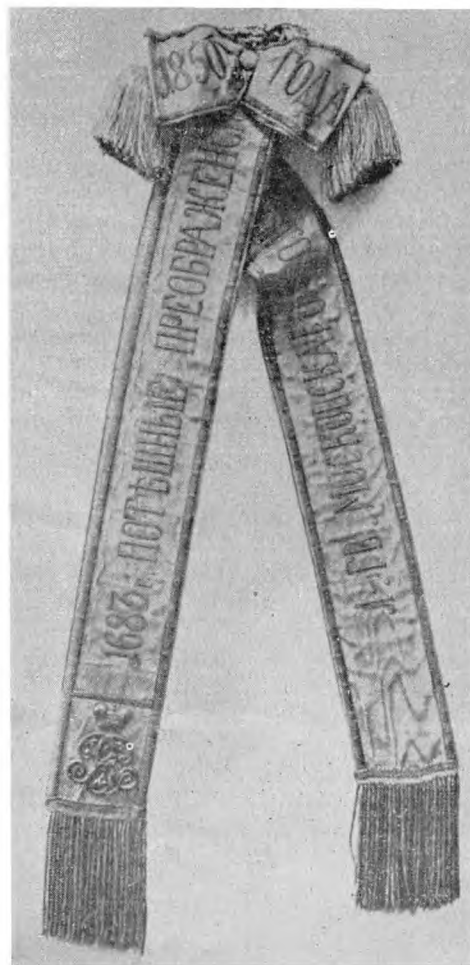
Он угас — и безпросветные сумерки спустились на коченеющую крепость.

Н. Иениш

Лейб-Гвардии Московский Полк

(К 150-летию юбилею полка).

Лейб-Гвардии Литовский (ныне Московский) полк был сформирован в С.-Петербурге 7 ноября 1811 года из 2-го батальона Лейб-Гвардии Преображенского полка и из отборных офицеров и солдат других Гвардейских, Гренадерских и Армейских полков. Полку были присвоены права Старой Гвардии. В следующем году, полк с отличием участвовал в Отечественной войне 1812-1814 г.г. и в походах за границу, вплоть до взятия Парижа. В Бородинском бою, 26 августа 1812 г. полк потерял командира полка, флигель-адъютанта полковника Удом, всех штаб-офицеров, 35 обер-офицеров и 736 солдат. Вступивший в командование полком, особенно отличившийся, командир III батальона полковник Шварц принял полк, но был смертельно ранен. Полк, совместно с Лейб-Гвардии Измайловским полком, отбил все атаки кавалерии Мюрата, не уступив ни пяди земли. В ознаменование подвигов полка в Отечественную войну. Император Александр повелел бывшему Лейб-Гвардии Литовскому полку с 12 октября 1817 года именоваться впредь Лейб-Гвардии Московским полком. 12 декабря 1817 года, III батальон, находившийся при Шефе полка Великом князе Константине Павловиче в Варшаве — был отчислен от Лейб-Гвардии Московского полка, укомплектован до 3-х батальонов и наименован Лейб-Гвардии Литовским полком. В последующие годы, полк участвовал: в Персидской и Турецкой войнах 1828-1889 г.г., в походах в Польшу в 1831 и 1863 г.г., в Венгерской кампании 1849 г. и в охране побережья Балтийского моря в 1854-1856 г.г. В 1877 г. полк, в составе войск Гвардии, выступил на Балканы. В эту войну

полк особенно отличился при Горном Дубняке и Араб-Конаке. В ознаменование подвигов полка в эту войну, ему были пожалованы на головной убор — надписи «За Араб-Конак, 21 ноября 1877» и 4-му батальону «За Горный Дубняк, 12 октября 1877» г. В дальнейшем, полк участвовал в походе на Балканы и во взятии Филиппополя.

Августейшими Шефами полка состояли члены Императорского Дома — Великие Князья Константин Павлович, Михаил Павлович, Алексей Александрович и, с 8-го ноября 1910 года, Наследник Цесаревич Алексей Николаевич. Кроме того, с 1878 года, вторым шефом полка состоял бывший Московец, Министр Императорского Двора — генерал-адъютант Граф Адлерберг. 29 июля 1914 года, полк выступил в поход против Австро-Германцев. Особенно знаменательный бой был у деревни Тарнавка, в годовщину Бородинского сражения: 26 августа 1914 г. В этом бою Московцы, под командою старшего штаб-офицера полковника Гальфтера, штыковой атакой захватили 42 действующих орудия и много пленных и отразили все

контр-атаки противника. В этом бою полк потерял 22 офицера убитыми, 48 ранеными и 2.500 солдат убитыми и ранеными. В дальнейшем полк принимал участие во всех боях Гвардии под Ивангородом, Ломжей, Брест-Литовском, Бзитою, под Вильной, на Стоходе и под Тарнополем. Во время своего существования полк потерял 96 офицеров убитыми, 49 офицеров были награждены Орденом Св. Георгия и 23 Георгиевским Оружием. В Добровольческом движении сначала рота, затем батальон, находились в составе Сводно-Гвардейского полка, участвовал во всех боевых действиях на юге России. Особенно знаменательны были бои под Жидовицами и Дубоссарами. После эвакуации Крыма, Московцы были переброшены сначала

в Галлиполи, а затем в Сербию и Болгарию, откуда они постепенно рассеялись по всему свету. В 1921 году было постановлено создать Объединение полка, под председательством своего бывшего боевого командира ген. лейтенанта В. П. Гальфтера, после кончины которого во главе Объединения стал полковник Н. Н. Дуброва. Ныне Объединение возглавляет капитан А. Ф. Климович II (вып. 1910 года), кавалер Георгиевского оружия. В Объединении состоит 19 офицеров и 2 солдата.

Празднуя ныне, в изгнании, свой 150-летний Юбилей, Московцы твердо верят в возрождение дорогой Родины и Российской Императорской Армии.

Воспоминания старого кавалериста

Сегодня я расскажу вам про совершенно особенную скачку, 4-х верстный Стиплъ-чез в Варшаве, если не ошибаюсь, в 1910 или 1911 году. Уверен, что такового в истории скачек не было.

Петербургский сезон в Коломьях кончился. Мои лошади ушли в Варшаву, а я, задержавшись по делам в Петергофе, приехал лишь к первому дню открытия сезона осенних скачек.

В этот день я не скакал и у меня не была записана ни одна из моих лошадей.

Мой поезд пришел в Варшаву около 10 ч. 30 м. утра и я поехал в гостиницу Бристоль, где помылся, переоделся и, оставив там свои вещи, поехал на скаковой ипподром в конюшни, где, осмотрев моих лошадей, поговорил с моими людьми и, узнав все новости, отправился пешком по скаковому кругу к трибунам в членскую беседку, где собирался позавтракать и повидать старых друзей и знакомых, которых давно не видел.

Но все вышло совершенно иначе, чем я думал. Когда я вошел в ограду членской, я услышал: «Наконец то!» и ко мне поспешно, спустившись вниз, подошел граф Альберт Велепольский, бывший лейб-гусар, а за ним еще другой господин, которого я не знал, и, поздоровавшись, сказал: «Мы тебя тут ждем, как манну небесную. У меня к тебе громадная просьба. Позволь познакомить тебя с моим другом паном Млодецким. Вот в чем дело: у пана Млодецкого сегодня записана на стиплъ-чез его кобыла Гитана 2-я, прекрасно скакавшая на провинциальных скачках. Это очень хорошая лошадь и она отлично прыгает. Очень прошу тебя не отказать проскакать на ней сегодня в стиплъ-чезе».

Эта просьба мне была чрезвычайно неприятна. Садиться на лошадь, которую я никогда не только не видел, но и никогда о ней не слышал, меня совершенно не интересовало. То, что Гитана хорошо скакала в провинции, мне ничего не говорило. В эту скачку было записано

несколько наших хороших лошадей, пришедших из Петербурга, а Варшавская публика меня знала и всегда на меня сильно играла и я совершенно не хотел оскандалиться.

Я сразу стал решительно отказываться, но гр. Велепольский, с которым я был очень дружен, так убедительно меня уговаривал, что я, скрепя сердце, согласился, но при условии, чтобы из Бристоля сейчас-же были-бы привезены мой скаковой китель, скаковые рейтузы, тонкие сапоги и фуражка. Граф Велепольский сказал, что сам немедленно их привезет. Я дал ему ключи, список вещей и записочку для швейцара гостиницы, а сам скорее послал служащего на конюшню за моим седлом и стал рассматривать программу и спрашивать о моих конкурентах и их лошадях, и точный паркур стипль-чеза.

Необходимо было спешить, ибо лошадей первой скачки уже водили в паддоке, а моя скачка была третья.

Но пока привезут мои вещи из Бристоля и принесут мое седло, я постараюсь успеть рассказать вам немного про варшавские скачки, про тамошние стипль-чезы, про моих конкурентов и их лошадей.

В Варшаве скачки были очень популярны, и не только Варшава, но и вся Польша ими интересовалась. Трибуны на ипподроме всегда были полны народа. Все поляки любят хорошо одеваться и там было всегда много красивых дам и элегантных кавалеров. Все они играли; все волновались и разбирали шансы каждой лошади; рылись в спортивных журналах и общались друг другу свежее-полученные «верные» сведения о «секретах и тайнах конюшень».

Это была обстановка типично польская, ими любимая, веселая и красивая.

Карьеру лучших лошадей конечно знали наизусть; а хорошо скакавших ездоков - охотников прекрасно знали в лицо.

Насколько скачки были популярны в Варшаве, добавлю несколько слов. Не помню точно в котором это было году, в Варшаве были забастовки и манифестации по улицам города. Чтобы не помешать варшавянам пойти на скачки, комитеты забастовок в дни скачек отменяли эти манифестации и манифестанты весело шли на скачки. Эти манифестации обыкновенно не сопровождалась буйствами или погромами, военные и гражданские власти принимали для этого соответствующие меры. Всюду была полиция и по городу ходили патрули и разъезды от улан Его Величества и Гродненских гусар, направлявших манифестантов по разрешенным артериям.

В один такой день, на углу одной улицы, со взводом улан стоял Сергей Бибииков, которо-

го варшавская публика хорошо знала по скачкам и конкурам, и любила.

Проходившие толпой манифестанты его узнали и кто-то крикнул «День добрый пану Бибиикову! День добрый пану Бибииска (это было прозвище его в полку)! День добрый!» И вся толпа замахала руками и шляпами.

Бибииков поднялся на стремянах, стал им махать и развеселившаяся толпа спокойно пошла дальше. Это мне, смеясь, рассказывал сам Бибииков и его однополчане.

Эти маленькие случаи характерны и хорошо объясняют нашу скаковую жизнь во время варшавского сезона.

Но, как всегда, я увлекся воспоминаниями прошлого и пора перейти к делу.

В Варшаве не было, как в Коломьях и в Царском, специального стипль-чезного круга с постоянными препятствиями. Херделя и бульфинши ставились только на скачку и потом их снимали. Перед левым поворотом, не доходя конюшень, была так называемая «Вольнская Стенка»; препятствие, похожее на наш «Ирландский Банкет» в Царском Селе, но немного ниже и с широкой канавой сзади. Это препятствие не было трудное, но нужно было, чтобы лошадь его очень хорошо знала и чтобы находящаяся сзади канава не была неожиданностью для нее. Прыжок был наверх на площадку и вниз через канаву.

Лошади имеют исключительно хорошую память и те ездоки, которые своих лошадей аккуратно и несколько раз напрыгивали на эту стенку, могли ехать спокойно; но те, кто этого не делал, часто падали с лошастью и без нее в канаву полную воды и глины. Я помню случай, когда один ездок упал головой вниз в эту канаву и не мог выкарабкаться из нее. К счастью, люди, стоявшие близко в повороте у конюшень, сразу бросились к нему и спасли его уже наполовину задохнувшегося в глине и воде.

Паркур стипль-чеза не был очень сложный, но его нужно было хорошо знать и в особенности то место, где, чтобы прыгнуть «Вольнскую Стенку», сворачивали с гладкого круга на дорожку, отмеченную флагами и тычками.

С высоты членского балкона мне все объяснили; но, конечно, это было недостаточно и поэтому я решил ехать в голове группы, но не по веревке, и ни в каком случае не вести скачку.

Среди моих конкурентов, записанных в стипль-чез, был Сумцов (я его фамилию умышленно изменил и вы далее увидите почему я это сделал). Он ехал на своей гнедой кобыле, хорошо скакавшей в Петербурге. Затем был князь Авалов на также петербургской лошади и еще три других ездока на знакомых мне лошадях.

Сумцов был прекрасный, опытный ездок. Он много скакал; сам на работе галопировал своих лошадей, которые всегда у него были в большом порядке. В скачке он никогда не волновался и вел свою лошадь уверенно и спокойно. Но вне скачки у него бывали короткие вспышки. Тогда он забывался и не владел собой. Это продолжалось недолго; он успокаивался; видимо жалел и все всегда проходило в порядке. Я его любил. Мы много вместе скакали и всегда дружили.

Но вот кто-то меня зовет. Я посмотрел вниз и увидел моего скакового мальчика с моим седлом. Когда я спустился с балкона, меня окликнул судья у весов: «Пане! Первая скачка кончилась: все уже взвесились; вам нужно скорее садиться на весы». Посмотрев на доску у весов, я увидел, что меня уже объявили ездоком в третьей скачке. Седло и свинцовый потник были тут, а вещей моих не было и я был в длинных рейтузах, при сабле.

Но в этот самый критический момент появились два человека, несшие все мои вещи, то есть два чемодана, деревянную коробку с фуражкой и мой скаковой хлыст. С помощью друзей, я достал то, что мне было нужно; переоделся и сел на весы. Когда я с них слез, у меня было чувство, что камень свалился с моего сердца и я даже забыл, что мне так не хотелось ехать на Гитане.

Мальчик с седлом убежал, а я с гр. Велепольским и паном Млодецким пошел на балкон членской и стал смотреть вторую скачку.

Скачка кончилась и мы, не торопясь, пошли в паддок, где уже на кружке водили поседланных лошадей. Издалека я сразу узнал наших петербургских лошадей, гладких, в хорошем туалете. Между ними водили какую-то, на вид простую вороную кобылу, чуть-чуть кадыковатую, с большой головой, длинными ушами, казавшимися еще длиннее из-за стриженной гривы. Зимняя шерсть у нее уже немного пробивалась через летнюю, что делало ее вид еще более простым. Но это была крепкая, костистая лошадь; длинная с косым плечем и высокой холкой, но совершенно по виду не скаковая.

Все это я рассмотрел в один миг, пока ее проводили мимо меня, и я сам себя спросил, как такая лошадь могла попасть в эту скачку? В этот момент я увидел на ней мое седло и уже раскрыл рот, чтобы сказать: «вот так фунт.», но пан Млодецкий, обратясь ко мне, сказал: «это моя Гитана». Я закрыл рот, стараясь не показать мое разочарование.

Мы сели на лошадей и поехали, один за другим, через публику к калитке на скаковой круг. Там мы, как полагалось, пошли шагом мимо трибуны, а затем, повернув, пошли кэнтером к правому повороту круга на старт. По

дороге стоял у веревки бульфинш. Я направил на него мою красавицу. Она без всяких рассуждений наставила свои длинные уши на препятствие и чудесно, длинно и высоко прыгнула так, как только опытная лошадь это может сделать. На старте мы ходили кружком и мси конкуренты с любопытством смотрели на Гитану.

Но вот подъехал стартер. Мы теперь ждали, что подымется над судейской большой красный шар и стартер воскликнет: «Бомба до гуры!», что на нашем языке значило: «в линию к лентам стартовой машины!». Бомба поднялась. Мы выровнялись. Стартер опустил флаг. «Пошел!»

Сумцов сразу занял веревку; я пошел рядом с ним на полкорпуса сзади; Авалов справа от меня; остальные тут-же.

Первое препятствие было высокий и густой бульфинш; второе хердель. Гитана прыгала прекрасно и внимательно.

После херделя, Сумцов, ведущий скачку, повернул влево и мы пошли на «Вольнскую Стенку». Прыжок вверх; прыжок вниз через канаву. Все безукоризненно. Порядок не менялся. Сумцов все вел скачку, а я рядом с ним на полкорпуса сзади. Так мы прошли поворот и пошли по препятствиям вдоль трибун и далее мимо нашего места старта и прямо на бульфинш, хердель и, не сворачивая к «Вольнской Стенке», прошли поворот у конюшень и вышли на прямую.

В Варшаве на прямой стоят два херделя высокие и плетенные; в Петербурге один. Для усталой лошади они опасные и часто трудные.

Выходя из поворота, я взял немного вправо от Сумцова и поровнялся с ним.

Мы одновременно прыгнули первый хердель. Сумцов, не посылая лошадь, казалось спокойно шел на второй. «Гитана», я чувствовал, шла с запасом в руках. Я просил, она ответила и внимательно поставила свои уши на препятствие. Я прыгнул первым и легко выиграл скачку на корпус впереди Сумцова. Авалов был третьим. Остальные тут же.

Прогалопировав небольшой кусок, я остановил лошадь, повернул ее и рысью подъехал к калитке, а затем шагом через публику к весам. Там я взвесился. Меня поздравляли и я собирался уже пойти переодеваться, когда мне сказали, что Сумцов заявил «протест» и техническая комиссия уже заседает.

Это известие пришло так неожиданно, что я не мог понять в чем дело. Но меня позвали в судейскую комнату.

Когда я вошел, члены технической комиссии сидели за столом и налево перед ними стоял Сумцов с красным взволнованным лицом.

Президент Ф. М. Юрьевич, сразу обратясь ко мне, сказал: «Шт.-ротмистр Сумцов заявил

на вас протест, говоря, что вы после «Вольнской Стенки» проехали флаг с левой стороны. Что вы можете сказать по этому поводу?»

Я ответил, что после «Вольнской Стенки» я никакого флага с правой от нас стороны не видел и объяснить ничего не могу, ибо, приехав только-что из Петербурга, круга не обходил и ехал рядом с Сумцовым, который вел скачку с начала до прямой, а я ехал точно так же, как он».

Тогда президент, обратясь к Сумцову, спросил: «что вы на это скажете?»

Страшно сконфуженный Сумцов, видимо, еще более волновался.

«Да, это верно», он сказал. «Мы все обехали этот флаг слева».

Президент посмотрел вопросительным взглядом на нас обоих; затем на членов технической комиссии и, наклонив голову, сказал: «благодарю вас! Прошу далеко не уходить!»

Мы вышли; но через минуту или две нас позвали, пригласив также других ездоков.

«Господа», сказал президент, обратясь к нам. «Стиль-чез, который вы скакали, аннулирован, но будет повторен после последней сегодняшней скачки. Ротмистр Гримм, вы согласны скакать?».

«Согласен», ответил я. «Шт.-ротмистр Сумцов, вы согласны?» спросил президент. «Согласен» твердо ответил Сумцов. Таким же согласием ответил Авалов и все остальные.

Скачки, одна за другой, шли своим чередом весь день. Уже вечерело и начались сумерки, когда мы пошли садиться на наших лошадей после последней скачки.

Когда я подошел к «Гитане», она мне показалась красивее чем до первой скачки. Я ее погладил по шее и по плечу. Она повернула голову и посмотрела на меня своими спокойными, добрыми глазами. Я еще раз ее погладил; поднял мою левую ногу; мальчик меня подсадил и я сел осторожно в седло.

Было уже темновато. Нас торопили. Через публику и калитку мы выехали к трибунам, где, повернув, кентером пошли прямо на старт. Там стартер нас уже ждал.

«Бомба до гуры!» Мы выровнялись; ленты взлетели. «Пошел!» Сумцов сразу опять занял

веревку; я пошел рядом с ним, а остальные так же как и в первой скачке. Так мы дошли до «Вольнской Стенки»; прыгнули ее и взяли чуть вправо вдоль свежескошенных тычков и высокого шеста с флажком и прошли поворот мимо конюшен и далее по препятствиям вдоль трибун; в общем как в первой нашей скачке.

Когда мы вышли на прямую, Сумцов шел по веревке; я наравне с ним и тут же справа рядом со мной Авалов.

Мы прыгнули первый хердель одновременно. Я выпустил «Гитану» и, прыгнув второй хердель, в руках легко выиграл скачку. Князь Авалов был вторым. Сумцов третьим.

Когда мы проезжали через калитку к весам, я заметил, что, не смотря на поздний час и сумерки, вся эта варшавская публика, пропитанная спортивным азартом, осталась посмотреть на эту курьезную и исключительную скачку и сильно мне аплодировала, когда мы через нее проезжали.

Нас взвесили и результат был объявлен.

На следующий день на работе ко мне подошел Сумцов. Я сразу заметил, что он волнуется и что-то хочет мне сказать.

«Вчера я сделал ужасную глупость» начал Сумцов. «Меня это мучает. Ты знаешь какой я? Прошу тебя не сердись на меня!»

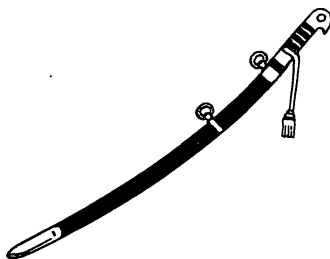
Я его обнял и уверил его, что нисколько на него не сержусь и мы останемся такими же друзьями как и раньше.

В 1913 году я упал на стиль-чезе в Коломьях, сильно разбился и, не совсем оправившись, уехал в Англию. Уезжая, я попросил Сумцова скакать на моих лошадях пока я буду в отсутствии. У меня были хорошие лошади и он с удовольствием согласился. Он мне выиграл две хорошие скачки, фотография одной из них у меня осталась до сих пор.

В 1914 году Сумцов был ранен в Восточной Пруссии и умер во время эвакуации.

Я думаю, что те, кто знали Сумцова, сразу его узнали и поняли из моего рассказа почему я не хотел назвать его имя. Теперь вы догадались и знаете, что он был моим другом и остался ним в моей памяти на всю мою жизнь.

Эрик Гримм.

Формоведение

Люблю воинственную живость
Потешных Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красоту.

Пушкин.

Формоведение есть прикладная наука, областью которой является изучение военных форм. Слово «формоведение» новое. Его пришлось специально создать, ибо, до сего времени, только на немецком языке имелось специальное слово «Uniformenkunde», для обозначения науки о формах, да и сама поскольку мне известно, до сего времени нигде точно формулирована не была. Это тем более удивительно, что военные формы, с самого их возникновения, усердно изучались, для них создавались специальные музеи и им было посвящено бесчисленное количество всевозможных картин и эстампов.

Настоящая статья является поэтому первой попыткой дать формоведению некоторое теоретическое основание: указать различные предметы, входящие в область этой науки, а также указать и границы, далее которых эта область не простирается, ибо, для успешного процветания, каждая наука или дисциплина должна обязательно иметь точно установленные границы.

Итак, основной областью формоведения является изучение военной формы, т. е. форменной военной одежды, но в него входит также и изучение всех предметов, которые носились при военной форме и поэтому являлись ее составными частями: вооружения, снаряжения, знаков отличия, знамен и штандартов, музыкальных инструментов, конского убора и пр. Конечно все эти предметы могут изучаться и сами по себе, независимо от их участия в ансамбле военной формы, но, постольку поскольку они изучаются, как составные части военной формы, они входят в область формоведения. Например, нумизмат может изучать медали, совершенно не интересуясь их участием в ансамбле военной формы, но формоведа интересуют только те медали, которые носились при военной форме, а также и правила их ношения.

С другой стороны в область формоведения входит изучение, не вообще военных, но только «форменных» предметов. Постараемся уточнить термины «форма» и «форменный». Наше слово «форма» является переводом, к сожалению весьма неправильным, французского слова «uniforme». Потеряв приставку «uni», слово «форма» потеряла и свой основной смысл. Сло-

во же «uniforme» означает «однообразие» или «однообразный». Термин «форменный» поэтому применим только к предметам «однообразным», т. е. таким, которые производились по утвержденным образцам. Такие предметы были только у регулярных армий, а потому в область формоведения входит изучение обмундирования, вооружения и снаряжения только регулярных армий. Предметы же «неформенные», произвольного образца, в область формоведения не входят. Возьмем, например, холодное оружие. Начиная чуть ли не с Каменного века, холодное оружие всех времен и всех народов усердно изучается, но, с точки зрения формоведения, интерес представляет только форменное оружие. Каков бы ни был исторический или художественный интерес неформенного оружия — будь это сабля Минина или Пожарского, формоведа оно ничему не научит. Раз уж было упомянуто слово «художественный», я считаю уместным сказать несколько слов об эстетике формоведения. Формоведа редко пленяют так называемые «художественные» предметы. Он умеет распознавать «однообразную красоту» обычных, форменных предметов, да зачастую они и действительно красивые. Происходит это по следующей причине. Происхождение форменных предметов не случайно. Они вызываются в жизнь той или иной военной потребностью. Предварительно они тщательно обдумываются. Затем обычно делаются экспериментальные образцы, которые подвергаются различным испытаниям. В результате этих испытаний делаются различные улучшения. В конце-концов утверждались лишь образцы вполне соответствующие своему назначению. Эта целеустремленность, эта продуманность и эта закономерность придают форменным предметам весьма законченную, художественную форму, которая, к тому же, прекрасно отражает дух эпохи. Опытный формовед поэтому сумеет уловить различие в стиле форменных предметов, отделенных один от другого лишь десятилетием. Все это отсутствует в предметах произвольных, в основе которых лежит лишь фантазия их творцов.

Итак, формоведение есть наука об обмундировании, вооружении и снаряжении регулярных армий. Но какие армии следует почитать регулярными и какие нерегулярными? Тут мы встречаем наше первое затруднение, ибо точного разграничения между регулярными и нерегулярными армиями нет. Регулярные армии существовали уже в древнем мире. Например, римские легионы были, вполне определенно, регулярной армией. В этом случае нам придет-

ся установить несколько искусственное разграничение. Говоря о регулярных армиях, мы имеем в виду армии, образовавшиеся в Западной Европе в 17-м веке. Не будем распространяться о причинах их появления — они весьма сложны и в сферу формоведения не входят. Укажем только на то, что в регулярных армиях существовало строгое разделение по родам оружия, что они носили форменную одежду — униформу и, что они были вооружены форменным оружием.

Превращение нерегулярных армий в регулярные совершалось постепенно. Предоставляю формоведам различных стран проследить этот процесс превращения в своей стране. Для нас — русских этот вопрос легко разрешим — регулярная армия появилась у нас, «по манию царя» Петра Великого, в конце 17-го века. Обмундирование, вооружение и снаряжение этой своей регулярной армии Петр Великий заимствовал у армий западноевропейских, главным образом шведской. История военных форм полна подобного рода заимствованиями. Это приводит нас к особому отделу формоведения — «сравнительному формоведению». Лично я придаю сравнительному формоведению исключительно важное значение. По-моему невозможно серьезно заниматься изучением форм одной только страны, совершенно игнорируя процессы развития форм других стран. Несмотря на кажущееся разнообразие форм различных

стран, их развитие подчинено одним и тем же законам. Если одна страна опережает другие, то они обычно быстро перенимают все улучшения. Вот как говорит о подобном явлении наш великий формовед А. В. Висковатов: «Император Петр III-й, питавший особое уважение к королю Прусскому Фридриху Великому и находя полезными его воинские учреждения, желал ввести их и в Российской Армии и в кратковременное свое царствование установил, как в ее устройстве, так и в одежде и в вооружении, значительные перемены, в коих для образца были приняты Пруссские войска, покрывшие себя славою в продолжительной борьбе с главнейшими державами Европы» (Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, часть III, стр. 99). Поэтому только сравнительное формоведение может дать объяснение различных метаморфоз, все время совершающихся в мире военных форм.

Вот, в общих чертах, задачи формоведения, Формоведение, следовательно, есть наука об историческом развитии обмундирования, вооружения и снаряжения регулярных армий, от их возникновения, до наших дней и включает, как подотдел. сравнительное формоведение, задачей которого является изучение взаимного влияния форм одних стран на другие. Предоставляю теперь эту формулировку на суд читателей.

Е. Молло.

Объявлена подписка на 1962 год на военно-исторический литературно-иллюстрированный журнал

«Военная Быль»

издания Обще-Кадетского Объединения во Франции, под редакцией

А. А. Геринга.

Одинадцатый год издания.

Журнал выходит каждые два месяца. Несмотря на увеличение числа страниц до 48, подписная плата остается прежней (см. стр. 2 обложки).

В 1961 году, в журнале были помещены статьи, очерки и воспоминания следующих военных авторов: С. Андоленко, А. Арсеньева, А., П. С. Бассен-Шпиллер, Евгения Булюбаш, Ник. барона Будберг, В., Е. Васильева (†), Николая Витте, А. Вырубова (†), Г., Эрика Гримма, М. Данилевича, Д. Де-Витта, Я. Демьяненко, В. Н. Звегинцева, К. Иванова-Тринадцатого (†), Н. Кадесникова, М. Каратаева, В. Кочубея, Е. Ковалева, Колыванца (†), В. Ковалевского (†), И. Кучевского, А. В. Л. (†), А. Левицкого, Е. Молло, Кирилла фон-Моор, Владимира Новикова, Арс. Н., Н. М., П. Пашкова, Б. Д. Приходкина (†), Владимира фон Рихтер, А. Редькина, Ивана Сагацкого, П. Сушильникова (†), Эраста Ского (†), А. Тучкова, С. Т. (†), Г. Танутрова Николая Турбина, В. Цимбалюка, М. Чайковского. Павла Шапошникова и К. Шургаевича.

Кроме того, в 1961 году продолжался печатанием Систематический Указатель к первым тридцати номерам «Военной Были» — Е. Л. Янковского и начаты печатанием Материалы к библиографии Русской военной печати за рубежом — Алексея Геринга.

Обзор военной печати

Н. М. Мельников — Ермак Тимофеевич, Князь Сибирский, его сподвижники и продолжатели. Париж 1961 г.

Книга открывается предисловием, написанным проф. М. Миллером, оттеняющим все положительные стороны этого серьезного исторического труда. Оно заканчивается пожеланием, чтобы книга эта стала бы настольной книгой каждого казака. Я позволяю себе, несколько расширить это пожелание. Мне представляется, что каждый русский, любящий свою родину и интересующийся ее героическим прошлым, должен прочесть эту книгу. В ней он найдет правдивое описание эпохи, выдающимися деятелями которой явились Ермак и его последователи, казаки-землепроходцы, с невероятными трудностями, достигшие блестящих результатов по расширению пределов Российской Империи.

Говоря о заслугах Ермака, историк А. Г. Попов делает заключение, что завоевание Сибири 1581-84 г.г., столь малым количеством людей, было бы делом совершенно невозможным, если бы донские казаки не имели «счастливого дарования, с детства питаемого, путешественников и воинов». Эту характеристику должно отнести как к соратникам Ермака, так и к его последователям казакам Гребенским, Уральским, Сибирским и прочим.

Попытки объяснить успехи Ермака исключительно отсутствием у противника огнестрельного оружия — неосновательно. Не столь уж важно было в бою значение примитивных пищалей и пушек XVI века. Не нужно забывать, что противник всегда имел численное преимущество в воинах, не менее храбрых, чем дружина Ермака, и потому, нельзя не согласиться с заключением автора, который с полным беспристрастием, разбирая боевые столкновения, приходит к заключению, что объяснение успехов Ермака нужно, очевидно, искать в другом: в талантах вождя и в исключительной доблести его воинов — казаков. Давно пора покончить с легендой, представляющей Ермака и его войнство — бандой разбойников, ищущих только корысти.

Прочтите эту книгу и вы найдете строго документированные строки, характеризующие Ермака, как мудрого гуманного правителя, умевшего лаской склонить дикий народ к мирной, спокойной жизни и как человека высоких моральных качеств. Выступая в поход, с обетом доблести и целомудрия, Ермак неуклонно преследовал насилия над мирными жителями.

Все интересно в этой книге, аккуратно и

тщательно изданной, иллюстрированной рисунками и портретами Ермака. Немалым ее качеством является и то, что она знакомит читателя в какой-то мере, с казачьим эпосом.

А. Левицкий.

«Кирасиры Его Величества» 1904-1916 г.г. Последние годы мирного времени. Нью-Йорк. Год изд. не указан.

Мне невольно припомнилось все наше беззаботное и безвозвратное прошлое, когда я прочел эти чрезвычайно интересные воспоминания офицеров-кирасиров о своем родном полку. Так приятно было окунуться в прошлое, в красивую жизнь доблестного гвардейского кавалерийского полка. Если жизнь их и не была всегда «беззаботна», то, во всяком случае, главной заботой всегда и всех, начиная от рядового кирасира до командира полка было быть достойным Того, чье имя полк носил.

Державный Шеф очень баловал полк своим вниманием. Страницы воспоминаний, посвященные посещениям Государем полка, смотры и парады в Его присутствии являются наиболее яркими. До мелочей, все подробности жизни полка проходят перед нами.

Один из пишущих, флигель-адъютант полковник Петровский, очень красочно описал майский парад и посвятил несколько страниц конскому спорту, будучи сам незаурядным спортсменом. Его имя, как спортсмена, было известно всей коннице.

Нельзя не отметить, что Объединение кирасир Его Величества выпускает уже четвертую книгу, посвященную родному полку. Вот прекрасный пример того, как настойчивостью и правильным пониманием своей задачи за рубежом, в эмиграции, офицеры полка сохраняют для истории память о своих славных делах и жизни и подвигах родного полка.

Привлекает очень нарядное издание этой книги, иллюстрированной портретами и полковыми группами. В приложении — список офицеров полка.

А. Л.

ОТ РЕДАКЦИИ.

В № 50 «Военной Были» в конце статьи М. Чайковского «Воспоминания летчика-наблюдателя» допущена серьезная ошибка: на стр. 4-й справа внизу сказано, что автор был назначен командиром 1-й батареи 1 горного Дивизиона, а должно быть — «1-го Конно-Горного Дивизиона». Принося наши извинения глубокоуважаемому автору, мы просим читателей исправить эту ошибку в номере.

Больной вопрос

В старых номерах «Военной Были» 1953 года, в статье Владимира фон Рихтера «Чугуевцы — Орешковские казаки», затронут больной, среди офицеров регулярной конницы, вопрос о старшинстве того или другого полка.

В нашей эмигрантской жизни, этот вопрос не разрешим. У нас нет никаких архивов, где можно было бы «раскопать» точные данные о сформировании полков и установить точно старшинство, а потому приходится основываться на немногих уцелевших изданиях «Главной Императорской Квартиры», изданных еще в предыдущих царствованиях. Но воля Государей, даровавших некоторым полкам более старое старшинство, является для нас законом и потому приходится с этим мириться и спорить не приходится. Как пример этому, приведу характерный случай со старшинством трех гвардейских полков, а именно: Л. Гв. Конно-Гренадерского, Л. Гв. Уланского Ее Величества и Л. Гв. Уланского Его величества.

Первый — фактически — сформирован 12 декабря 1809 года, второй 16 мая 1803 года и третий — 7 декабря 1817 года.

Все эти три полка ведут свое начало от Ахтырского, Сумского и Изюмского слободских казачьих полков, имеющих старшинство с 27 июня 1651 года, со дня поражения казачьего войска Богдана Хмельницкого под Берестечком и выделивших по два эскадрона на сформирование 16 мая 1803 года Одесского гусарского полка, который был 11 сентября того же года переименован в Уланский Е. И. В. Цесаревича Константина Павловича полк. (Первые уланы в русской армии). Вначале этим трем полкам было даровано старшинство такое же, как и у Слободских казаков, т. е. с 1651 года. При Императоре Николае I в 1851 году эти три полка праздновали 200-летний юбилей, получив новые штандарты с юбилейными лентами.

При реформировании кавалерии при Императоре Александре III, в 1884 году, были даны общие указания при определении старшинства войсковых частей и в 1886 году Главный Штаб, вследствие неправильного толкования закона, установил старшинство этим трем полкам с 16 мая 1803 года, т. е. со дня сформирования Одесского гусарского полка. Вследствии этого, в 1903 году, три полка начали готовиться к празднованию 100-летнего юбилея. Узнав об этом, шеф Л. Гв. Конно-Гренадерского полка Вел. Кн. Михаил Николаевич возмутился и заявил, что во главе полка, на Высочайшем параде в 1851 году, он уже праздновал 200-летний юбилей и, потребовав все докумен-

ты, поехал с докладом к государю Императору Николаю II-му. Государь приказал создать комиссию из: Начальника Штаба Войск Гвардии, командиров трех полков, представителя Главного Штаба и генерала Мышлаевского, как военного историка. Эта комиссия признала старшинство Л. Гв. Конно-Гренадерскому и Л. Гв. Уланскому Его Величества полкам с 16 мая 1651 года, а Л. Гв. Уланскому Его Величества полку с 11 сентября 1651 года. Государь Император Николай II утвердил это решение. Нам не понятно, чем руководствовалась эта комиссия, давши не одинаковое старшинство этим полкам, тем более, что эти полки стали старшие своих основателей.

Второй пример — старшинство 17 гусарского Черниговского Е. И. В. Кн. Михаила Александровича полка с 30 августа 1668 года, т. е. со дня сформирования Черниговского Конно-Егерского полка, расформированного 21 марта 1883 года. Этот полк сформирован 16 сентября 1896 года в городе Орле из эскадронов, выделенных по одному, из 9 драгунского Елисаветградского, 15 драг. Александрийского, 21 драг. Белорусского, 39 драг. Нарвского, 45 драг. Северского и 46 драг. Переяславского полков и получил наименование 51 драгунский Черниговский полк.

Проследим какое отношение этот вновь сформированный полк имеет к Черниговскому Конно-Егерскому полку.

Не будем приводить краткую историю Черниговского Конно-Егерского полка, а возьмем только данные, как этот полк расформирован. 1 и 2 эскадроны были влиты в Клястицкий гусарский полк (ныне 6 гус.), Георгиевский штандарт, серебряные трубы вместе с 3, 4 эскадронами и пешим резервом влиты в Каргопольский драгунский полк (ныне 5 драг.), а 5 и 6 эскадроны в гусарский Принца Оранского полк (ныне 7 гус.). В 1856 году, сентября 18-го из Каргопольского драгунского полка были выделены 5, 6, 7, 8 и 10 эскадроны и из них был сформирован Новомиргородский драгунский полк, коему были переданы старшинство, георгиевский штандарт и серебряные трубы бывшего Черниговского Конно-Егерского полка. Этот полк 14 мая 1860 года был целиком присоединен к штандартному взводу Глуховского Кирасирского Е. И. В. Вел. Кн. Александры Иосифовны полка, ксему переданы были на хранение. Георгиевский штандарт и серебряные трубы этого полка.

При сформировании 51 драг. Черниговского полка, полк получил простой штандарт и 7 серебряных труб (хранившихся в 6 драг. Глу-

ховском полку) и только 1 апреля 1898 года полку были переданы Георгиевский штандарт и остальные 6 серебряных труб бывшего Черниговского Конно-Егерского полка и пожаловано старшинство со дня сформирования этого полка. Единственная же связь между двумя этими полками, и очень далекая, был эскадрон Белорусского полка. Таких примеров можно привести много.

Автор статьи «Чугуевцы-Орешковские казаки» указывает, что 11 уланский Чугуевский Е. И. Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны полк должен считаться старейшим полком регулярной кавалерии Императорской Армии. С этим мы не совсем согласны и вот почему.

При присоединении Княжества Литовского к России, в Русскую армию перешли Литовские войска, в составе которых был Татарско-Литовский конный полк, который вел свое начало от Литовских стягов XIV века. Этот полк 20 марта 1803 года был расформирован как таковой, но 29 марта того же года, уже через 9 дней, т. е. в дни его расформирования, под личным наблюдением ген.-от-кавалерии барона Беннгисена, из поляков и литовцев, выделенных из этого полка, был сформирован, в составе пяти эскадронов, Литовский конный полк, ротоначальник 5-го уланского Литовского Его Королевского Величества Короля Виктора Эммануила III полк, который должен был бы считаться старейшим полком Русской конницы.

Вот почему полкам, фактически сформированным раньше других, становилось больно и обидно и это вызывало много лишних споров о старшинстве. Винить в этом нужно только тех лиц, которые вели этим и плохо разбирались в истории полков.

То же самое можно сказать и о даровании полкам новой формы 6 декабря 1907 года, когда некоторые полки получили одинаковую, обыкновенную форму, приводившую ко многим недоразумениям среди офицеров встречавшихся в жизни. Как пример, Л. Гв. Конный полк и 9 драг. Казанский полк., Л. Гв. Кирасирский Ее Величества и 12 драг. Стародубский полк. Много позже, после пребывания в Красном Селе 9 драг. Казанского полка, приказано было в армейских кавалерийских полках иметь «номер полка» на погонах и тем самым, правда только отчасти, эти недоразумения были ликвидированы. Если бы комиссия, вырабатывающая новую форму, внимательнее отнеслась бы к делу, то этого бы не было.

И. Р у б е ц

«ЗНАКИ ОТЛИЧИЯ».

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Е. МОЛЛО

По моему мнению, Е. Молло неправильно причисляет «знаки в память служения в час-

тях» к «знакам отличия». И вот мои доводы: а) Знак отличия — есть награда б) Знак отличия — имеет ленту в) Знак отличия, как награда, носится на груди с орденами и медалями г) Знак отличия вносится в послужной список и д) Знак отличия имеет статут.

Привожу выписку из книги: В. Н. Зайцев — Руководство для адъютантов. Исправил и дополнил всеми изменениями, объявлен. в приказах по Военному Ведомству по 1 июня 1898 г. ген. майор И. Зацук. Изд. Березовского СПБ 898 г. и книги: Награды чинам Военного Ведомства. Составл. на основ. законоположений, объявл. по 15 июля 1916 г. изд. Г. Голов Петроград 916 г. В этих книгах, нижеуказанные знаки имеют наименования — «Знаки в память служения в частях», а не «Знаки Отличия».

1) Знак в память о службе в Государственном Подвижном Ополчении, во время войны с Турцией и Францией 1853-56 гг. (знак отличительный).

2) Знак в память о службе в Государственном Ополчении бывшего Сибирского Военного Округа, а равно и в дружинах, сформированных во время Русско-японской войны 1904-1905 г.г. (знак отличительный).

3) Знак в память служения в Сводно-Гвардейской роте.

4) Знак в память служения в Сводно-Гвардейском батальоне.

5) Знак награды — за службу в Собственном Его Величества Конвое. (Штаб и обер-офицерам и нижним чинам учрежден знак, право ношения которого определяется особым Положением, объявленным в Приказе №155 1891 г. в ст. 32

6) Знак Морской Охраны.

7) Особый крест «За службу на Кавказе 1864 г.» Для всех, принимавших, когда-либо, участие в делах с горцами, в течении всей Кавказской войны.

8) Особый нагрудный знак для защитников крепости Порт-Артур.

М. Литвизин

Приложение

«О полковых, училищных и академических нагрудных знаках»

Выписка из книги «Награды чинам военного ведомства». Составлено на основании законоположений объявленных по 15/6 1916 г. Издал Г. Голов, Петроград 1916 г.

I. В память юбилеев, в целях объединения питомцев военно-учебных заведений и установления наружной корпоративной связи, а так же и в иных случаях, для некоторых частей, учреждений и заведений военного ведом-

ства установлены нагрудные знаки. Право ношения означенных знаков определяется особым о них положением.

II Приказание по войскам Московского Военного Округа №9 1911 г.

Согласно Высочайшему соизволению, последовавшему в 17-й день апреля 1907 г., для частей войск, по случаю исполнившихся 100 или 200-летних юбилеев верной и честной службы этих частей Своим Государям и Родине, учреждаются нагрудные знаки. По выработанным правилам, знаки эти именуются юбилейными и право ношения их предоставляется офицерским, классным и нижним чинам, состоящим в части в день Высочайшего учреждения знака, если он учреждается после празднования юбилея.

Таковые юбилейные знаки, при указанных условиях их ношения, в действительности служат воспоминанием о вековой службе частей лишь некоторое время, так как в дальнейшем, за убылью чинов полка, носивших юбилейный знак, последний будет существовать только номинально, в виду отсутствия права ношения его по следующим поколениям полка.

По всеподданнейшему докладу Военного Министра изложенных соображений, Государь Император в день 21 октября 1910 года Всемилостивейше повелеть соизволил: В целях установления постоянного воспоминания в частях войск о вековой их службе, присвоить существующим уже нагрудным юбилейным знакам наименование полковых нагрудных знаков и предоставить право их ношения всем офицерским, классным и нижним чинам, поступившим на службу в части войск, после празднования ими юбилеев и имеющим поступить впредь.

М. Литвизин.

*) Знаки установлены приказами по военному ведомству: 1) 1898 г. № 325, 1899 г. № 29, 1907 г. № 190 и 1909 г. № 491 — Павловского военн. уч.; 2) 1902 г. №381 — юбилейный Пажеского Е. И. В. корпуса; 3) 1906 г. № 40 и 1910 г. №47 — въ память 50-ти летнего состояния Е. И. В. Великого Князя Михаила Николаевича в должности Фельдцейхмейстера; 4) 1907 г. №129 и 1910 г. № 218 — Константиновского артил. училища; 5) 1907 г. №342 и 1915 г. №482 — 1-го кадетского корпуса; *) 1907 г. № 557 — въ память 200-летия Московского военного госпиталя; 7) 1908 г. №315 — в память назначения Е. И. В. Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича шефом Алексеевского военн. уч.; 8) 1909 г. №305 и 492 — Николаевского кавалерийского училища; 9) 1909 г. №498 — Александровского военного училища; 10) 1909 г. №575 — 1-го Московского кадетского корпуса; 11) 1910 г. №175 — Николаевского Инженерного училища; 12) 1911 г. №132 — Михайловского артил. училища; 13) 1912 г. №13 — 2-го Кадетского Императора Петра Великого корпуса; 14) 1913 г. №86 — Елизаветградского кавалерийского училища; 15) 1913 г. №175 — 1-го Сибирского кадетского корпуса; 16) 1913 г. №199 — Владимирского военного

училища; 17) 1913 г. №222 — Полоцкого кадетского корпуса; 18) 1913 г. №589 — Николаевского кадетского корпуса; 19) 1913 г. №590 — Чугуевского военного училища; 20) №593 — Алексеевского военного училища; 21) 1913 г. №594 — Одесского военного училища; 22) 1913 г. №660 — Петровско-Полтавского кадетского корпуса; 23) 1914 г. №104 — 2-го Московского кадетского корпуса; 24) 1914 г. №105 — 1-го Киевского военного училища; 25) 1914 г. №107 — Нижегородского кадетского корпуса; 26) 1915 г. №126 — окончивших ускоренные курсы при Пажеском Е. И. В. корпусе; 27) 1915 г. №162 — 2-го Киевского, Казанского, Виленского и Тифлисского воен. училищ; 28) 1915 г. №452 — Иркутского военного училища.

МОЙ ОТВЕТ М. ЛИТВИЗИНУ

Одним из самых обще-признанных авторитетов, по вопросам организации Императорской Армии, несомненно является полковник В. Н. Шенк, составитель Справочных Книжек Императорской Главной Квартыры. В своей книге «Правила ношения форм одежды офицерами всех родов оружия и гражданскими чинами Военного Ведомства», полковник Шенк дает правила ношения орденов и других знаков отличия.

В главе 7-й § 7, даны правила ношения нагрудных знаков отличия разного рода. К знакам отличия, носимым на левой стороне груди, полковник Шенк относит: 1) Знак Отличия Красного Креста, 2) Знак отличия «За службу на Кавказе» (пр. по Воен. Вед. № 192 1864 г.), 3) Милиционный (ополченский) крест или бляха у не-христиан (пр. по Воен. Вед. № 602 1906 г.), 4) Вензелевые изобразяния имен, в Бозе почивших, Императоров, 5) Знак в память служения в Сводно-Гвардейской Роте (или батальоне) или в Собственном Его Величества Сводном пехотном полку (для моряков — за службу в Морской Охране) Высоч. утверд. 3 июля 1882 г. и Прик. по Морскому Вед. № 4 1902 г., 6) Знак за службу в Собственном Его Величества Конвое (Пр. по Воен. Вед. № 190 1884 г. и №137 1889 г.), 7) Знак за участие в деле освобождения крестьян (Пр. по Воен. Вед. № 131 1869 г.), 8) Знак в память службы в Почетном Конвое Гвардейского Отряда в войну 1877-1878 г.г. (Отнош. Управл. Императ. Главной Квартыры от 1 мая 1878 г. за № 1208).

М. Литвизин неправ, утверждая, что знаки отличия обязательно должны иметь ленту, носиться на колодке, совместно с орденами и медалями и иметь статут. Знак Отличия «За службу на Кавказе» был несомненно наградным знаком, подобно наградным медалям за участие в войнах и сражениях, однако, он не имел ленты, не носился на колодке и не имел статута. Знак этот вносился в послужной список.

Е. Молло.

«Неудачная разведка» в №94 «Военной Были».
«Неудачная разведка» в №49 «Военной Были».

В указанной статье, между прочим, описывается героическая смерть корнета лейб-гвардии Конного полка А. А. Зиновьева, в рядах 2 Читинского полка Забайкальского казачьего войска. В конце статьи, уважаемый автор задает вопрос: «записано-ли на скрижали истории лейб-гвардии Конного полка имя героя корнета Зиновьева»?

В № 8 «Вестника Конногвардейского Общества» от декабря 1958 года, была помещена статья, посвященная корнету А. А. Зиновьеву, произведенному в корнеты лейб-гвардии в Конный полк из фельдфебелей Пажеского Е. И. В. корпуса, по случаю 55-ой годовщины его смерти. Эта статья была составлена по запискам его отца, тоже бывшего офицера Конной Гвардии.

К этой статье нужно добавить, что, по сведениям брата покойного, проживающего в С.А. С.Ш., убивший его брата японец Сатаро, сам перед тем тяжело раненый отстреливавшимся корнетом Зиновьевым, жив до сих пор и ежегодно, 10 мая служит панихиду в Токийском православном соборе.

А. Тучков

Справка: Пять братьев Зиновьевых служили лейб-гвардии в Конном полку, из них Георгий Александрович был убит 6 августа 1914 года, в сражении под Каушеном.

А. Т.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ П. ПАШКОВА «ОРДЕНА И ЗНАКИ ОТЛИЧИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1917-1922 г.г.»

Знак отличия Степного Похода «Степной Крест» установлен, согласно постановления Донского Войскового Круга, приказом Донского Атамана № 696, не 26-го апреля 1918 г., а 26-го апреля 1919 г.

В апреле 1918 г. поход еще не был закончен и не было Донского Атамана. Крест не железный, а серебряный оксидированный, темно-стального цвета, напоминающий могильный крест, встречающийся на степных курганах.

Крест давал большие преимущества, из которых главное: право производства в следующий чин, до чина полковника включительно, в любой момент по выбору награжденного, со старшинством в предыдущем чине.

Награждено «Степным Крестом» 1100 человек участников похода. Кресты номерные.

Состав отряда в походе: 1100 человек пеших, 600 конных, 5 орудий и 39 пулеметов. Запас боевых припасов в обозе: 100 артиллерийских снарядов и 500 тысяч ружейных патронов.

Е. Ковалев.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ А. ЛЕВИЦКОГО

«Старые полки конницы»
в № 49 «Военной Были».

В № 49 «Военной Были», была помещена статья А. Левицкого «Старые полки конницы». В ней А. Левицкий пишет, что Изюмский полк был выделен из Харьковского в 1651 году и ранее, самостоятельно, не существовал.

У меня в руках книга «Славное прошлое Изюмских гусар», составленная в 1912 году полковником моего полка князем Эристовым и М. К. Соколовским, известным тогда, составителем историй наших войсковых частей. В этой памятке значится: «11 гусарский Изюмский полк имеет старшинство с 27 июня 1651 года, когда выходцы из Малороссии стали селиться по обоим сторонам реки Изюмца, образовав Изюмский слободской казачий полк. Самостоятельно, однако, под своим именем, Изюмский полк существовал недолго и его история сливается с историей Харьковского полка вплоть до 1688 года, когда снова, в самостоятельном виде, появляется Изюмский полк».

Невозможно отрицать того, что в 1912 году составители «Славного прошлого» были лучше документированы, нежели авторы-эмигранты, как и нельзя допустить, чтобы полковник Изюмского полка мог подписать свое имя под непроверенным документом.

Считаю своим долгом перед родным полком, внести эту поправку в статью уважаемого мною автора «Старые полки конницы».

К. фон-Розеншильд-Паулин

К СТАТЬЕ П. ПАШКОВА «Ордена и знаки отличия гражданской войны» в №№ 49 и 50 «Военной Были».

В дополнение к моей заметке в № 51 «Военной Были», мне хочется добавить еще следующее: Отличительный знак Ливенского Отряда несколько различен от знака, описанного П. Пашковым. Мечи на знаке смотрят своим острием вверх, а не вниз. (См. прилагаемый рисунок). Что это на самом деле так — я могу поручиться, ибо, в свое время, крест был мне прислан, при личном письме Князя Ливена и, по сию пору, сохранился у меня. Письмо же осталось вместе с остальным имуществом в восточной Германии.

Николай Барен Будберг.

Материалы к библиографии Русской Военной печати за рубежом

(Продолжение)

- ДОБРЫНИН, полк. Ген. Штаба. К японо-китайскому конфликту на Дальнем Востоке. «Воинские Розгляды» 1932 г. №2-3. Прага. На чешском языке с 4-мя картами.
- " — Военная эмиграция в Чехословакии. «Вестник Военных Знаний» 1931 г. № 3 Сараево.
- " — Русская военная эмиграция. «Единство» 9 октября 1931 г. На чешском языке.
- " — Некролог генерала П. Т. Семенова. «Дневник» № 1932 г. август, Прага.
- " — Отзыви сокольского слета. Там же.
- " — Некролог генерала П. Ф. Рябикова. «Дневник» 1932 г. №31 сентябрь.
- ; — полковник Генераль. Штаба — Библиографические обзоры Русской эмигрантской и военной советской печати в чешском военном журнале «Воинские Розгляды». На чешском языке.
- " — 1926 г. №12 1927 г. №1, 2, 3, 1928 г. №2, 4, 6, 12 1929 г. №1, 4, 9, 12 1930 г. №1, 2, 3, 4, 6 1932 г. №10.
- " — Отклики Русской печати 1916 г. на приращение к смертной казни д-ра К. П. Крамаржа. В сборнике, посвященном его 75-летию. 1936 г. Прага. На чешском языке.
- " — К вопросу об установлении связи с англичанами в Месопотамии во время мировой войны. В «Сборнике Русских военных инвалидов в Чехословакии». 1934 г. Прага. На чешском языке.
- ДОМАНЕВСКИЙ, полковник — Мировая война. Кампания 1914 г. Достижения сторон на первый месяц кампании. Париж 1929 г. Выпуск II. 1929 г. 108 стр. Приложение схематическая карта Сербско - Салоникского фронта военных действий и 16 схем операций. Цена 25 фр. фр.
- " — Мировая война 1914 г. Планы сторон и начало операций. В приложении две схематических карты и одна схема в тексте. Выпуск I. Париж 1929 г. 84 стр. на ротаторе. Цена 20 фр. фр.
- фон-ДРЕЙЕР — Крестный путь во имя Родины. 1918 - 1919 гг. изд. 921 г. 154 стр.
- ДРЕЙЛИНГ Р. К. — Воинский устав Петра Великого и Суворова. Белград 931 г. Отдельный оттиск из Записок Русского Научного Института в Белграде. Выпуск 3-й стр. 307 - 354.
- ДРОЗДОВСКИЙ, Михаил Гордеевич генерал — Дневник. кн-го Отто Кирхнер Берлин 923 г. 186 стр. с картой похода и портретом генерала Дроздовского.
- «ДРУГ ИНВАЛИДА» — Издание Союза Русских военных инвалидов в Шанхае. 1936 г. 48 стр.
- Е., Г. В. — Генерал-адъютанты изменники. Разбор некоторых материалов, относящихся к акту отречения Государя Императора Николая II. изд. Шанхай 927 г. 12 стр.
- ЕМЕЛЬЯНОВ — Персидский фронт (1915-1918) изд. Берлин «Гамаюн» 923 г. 200 стр. больш. форм.
- ЕНБОРИСОВ Г. В. полков. — От Урала до Харбина. Памят о пережитом, изд. Шанхай 932 г. 188 стр.
- Н. А. ЕПАНЧИН и Н. Н. ЕПАНЧИН — Три адмирала. Из семейной хроники 1787-1913 гг. Нью-Йорк 946 г. 95 стр. с 9 иллюстр. (отдельно) «М. З. Б.» №70.
- ЖУРНАЛ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ 3-й Гвардейской пехотной дивизии 1914 г. Париж 1938 г., 45 стр. Издание Исторической комиссии 3 Гвардейской пехотной дивизии под предс. ген. майора П. И. Орел.
- ЖУРНАЛ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ Гвардейской Стрелковой бригады. 1914 г. Издан Великим Князем Дмитрием Павловичем Шерфом лейб-гв. стрелкового Царскосельского полка. Составлен Исторической комиссией Гвардейского Объединения. 23 стр. Париж 936 г. Редактировал полк. В. П. Глиндский.
- ЖУРНАЛ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ 1-й Гвардейской пехотной дивизии 1914 г. Составлен и издан Исторической комиссией Гвардейского Объединения. 24 стр.
- ЖУРНАЛ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ 2-й Гвардейской пехотной дивизии 1914 г. Составлен и издан Исторической комиссией Гвардейского Объединения. Париж, 24 стр. и 4 схемы.
- ТО ЖЕ — 1915 г., 32 стр. и схема.
- «ЖУРНАЛ КРУЖКА МОРСКОГО УЧИЛИЩА» Бизерта — Белград, январь-февраль 1922г. Вышло 4 номера.
- «ЗАБЫТЫЕ МОГИЛЫ» — Памятка издание Правления Совета по охране Порт-Артурского и др. военных кладбищ. Изд. Зайцева. Харбин 938 г., 52 стр. + 30 фотогр. на отд. листах.
- Проф. полк. Ген. Штаба ЗАЙЦОВ, А. А. — Учебник тактики, под ред. ген. Головина при содействии Председателя РОВСа, ген. лейтен. Е. К. Миллера. Париж 932 г., 405 стр.
- " — Семеновцы в 1914 году. Гельсингфорс 936 г. 114 стр. и 5 схем. размер книги: 23 x 16 см.

- " — Очерки по истории новейшего современного искусства, ч. I и ч. II. Гражданская война за единство С.А.С.Ш. (1861-1865) цена 20 фр. фр.
- " — Тактика пехоты — 4 лекции.
Общая тактика — 4 лекции.
Тактика артиллерии — 3 лекции.
- " — 1918 г. Очерки по истории Русской гражданской войны. 934 г., 272 стр. 13 карт
- " — Орден Святого Великомуч. и Победоносца Георгия, исторический очерк. Нью-Йорк 935 г., 18 стр.
- Генерал П. И. ЗАЛЕССКИЙ — Возмездие. Причины Русской катастрофы. Берлин 925 г. 280 стр.
- Генерал А. ЗАЛЬФ — Основной закон и принципы вооруженной борьбы. Танненбергская катастрофа и ее виновники. Ревель 932 г., 227 стр. с прилож. большой карты.
- Генерал В. А. ЗАМБРИЦКИЙ — Германо-советская война 1941-45 г.г. изд. на ротаторе Галиполлийского Общества. 78 стр.
- «ЗАПИСКИ ВОЕННО-МОРСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО КРУЖКА имени адмирала Колчака». Редактор кап. 2 р. фон-Кубе. Париж. Вышло 8 номеров, апрель 931 г. — апрель 937 г.
- «ЗАРУБЕЖНЫЙ МОРСКОЙ СБОРНИК», редактор кап. 1 р. Я. Подгорный, г. Пильзен (Чехословакия). Вышло 13 номеров с июля 928 г. по 931 г.
- ЗВЕГИНЦОВ, Владимир Николаевич — Кавалергарды в Великую войну и гражданскую. т. I — 1914 г. изд. Сияльской тип. Тохвера Таллин 938 г. т. II — 1915 г. изд. Сияльской тип. Валь, Париж. Каждый том издан в колич. 300 экз., из коих 150 нумерованных от № 1 до 150.
- «ЗВЕНО» журнал под ред. мичмана П. В. Репина. г. Брно. Чехословакия. Вышел 21 номер с марта 925 г. по январь 927 г.
- ЗЕРНИН А. В. — Балтийцы. Морские рассказы. Издание Военно-Морского Союза. Париж 931 г., 153 стр.
- Ген. майор ЗИНКЕВИЧ — Основание и путь Добровольческой Армии (1917-1930). Доклад по случаю годовщины основания Добровольческой Армии и 10-й годовщины Галиполи. София 937 г., 37 стр.
- ЗУЕВ А. В. — Оренбургские казаки в борьбе с большевизмом (1918-1922 г.г.). С портретом Атамана Дутова. Харбин 937 г. 132 стр.
- Полков. ИВАНОВ Н. П. — Боевая химия. Изд. 2-е исправл. и дополн. 931 г. Издание Высших Военно-научных Курсов. Париж, цена 18 фр. фр.
- ИЛЬВОВ Б. Я. — Рокот моря. Семь морских рассказов. Изд. Шанхай, 141 стр.
- " — Летучий голландец. Морские рассказы, изд. Шанхай 935 г., 160 стр.
- " — Морская даль. 12 морских рассказов, изд. Шанхай 937 г., 161 стр.
- " — Ураган, изд. «Слово», Шанхай 937 г., 228 стр.
- " — Смерч (продолжение Урагана), изд. «Слово», Шанхай 937 г., 222 стр.
- Ген. майор ИНОСТРАНПЕВ — История, истина и тенденция. По поводу книги ген. лейт. Сахарова «Белая Сибирь». Прага, изд. Союза Русских военных инвалидов, 933 г., 12 стр.
- ИОКТОН К. — История юного военного инвалида еврея Русской армии. Издание автора, Париж 938 г., 120 стр. с портретом полков. Дыдорова, волонтера Иоктона и ген. Гуро. Несколько фотографий.
- «ИРКУТСКИЙ КАЗАК», изд. Зарубежной Станицы Иркутского Казачьего Войска. 23/У - 6/УІ 1935 года. Вып. 2-й — 60 стр. со многими иллюстр. Большого формата.
- ИШЕВСКИЙ Г. П. — Честь. изд. Обще-Кадетское Объединение во Франции. 328 стр. печат. в Мюнхене. (Из жизни Симбирского кадетского корпуса).
- Князь П. П. ИШЕЕВ — Осколки прошлого. Воспоминания 1889-1959 г. изд. Нью-Йорк 960 г. 160 стр. с портр. автора. (Морской кад. корп., Елизаветград. училище, 3 улан. Смоленский п. Полевые жандармы)
- «КАВКАЗСКИЙ КАЗАК» — Ежемесячная информация о жизни казачества за рубежом. Издаётся Кубанской и Терской канцеляриями. Белград.
- «КАДЕТСКИЙ ГОЛОС ИЗ ПРОВИНЦИИ» изд. и ред. С. Г. Двигубский. изд. Риуперу (Франция) фотографически-рукописное издание. Всего вышло 36 номеров.
- «КАДЕТСКОЕ ПИСЬМО» Журнал издания Обще-Кадетского Объединения в Аргентине. изд. Буэнос-Айрес. Редак. А. Г. Денисенко. по 1961 год вышло 18 номеров.
- «КАЗАК» — Информационный листок Кубанской канцелярии. Год изд. XI-й 1960 г. на ротаторе. 22 стр. текста с фотогр. на отдельных листах.
- «КАЗАКИ ЗАГРАНИЦЕЙ» март 1930 - январь 1931 г. изд. Штаба Донского корпуса. 931 г. 126 стр.
- «КАЗАКИ В ЧАТАЛДЖЕ И НА ЛЕМНОСЕ». Издание Донской исторической комиссии. Белград 924 г. XIX + 162 стр. текста и 31 стр. фотографий.

(продолжение следует)

Алексей Геринг

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1962 ГОД НА ЕЖЕМЕСЯЧНУЮ
ВОЕННО-НАЦИОНАЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

« В е с т н и к »

Издание Обще-Кадетского Объединения под редакцией А. А. Г Е Р И Н Г А.

Двенадцатый год издания.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ПО АДРЕСУ РЕДАКЦИИ:
61, rue Lagache - Chardon, PARIS (16), а также у всех Представителей «ВОЕННОЙ БЫЛИ» и
« ВЕСТНИКА ».

Подписная цена с пересылкой на год:

7 н. фр., в странах заокеанских — 2 дол., 40 цен.
В газете — постоянные отд.: В порабощенной России, Кадетская жизнь, Нам пишут и др.

**Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно по-
лучать:**

Париж — в Конторе журнала — 61, rue
Chardon - Lagache, Paris 16 и в русских
книжных магазинах.

Брюссель — у И. Н. Звездкина — 1, Chemin
Ducal, Tervuren. Bruxelles.

Лондон — а) у В. В. Барачевского — 23, Al-
der Grove, London N. W. 2, б) у Д. К. Крас-
нопольского — 19, Warwick Road, London
S. W. 5.

Германия — у И. Н. Горайнова — Hamburg-
Postamt 33, Deutschland. Postlagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bred-
gade 53, Copenhagen.

Италия — у В. Н. Дюкина — Via Nemorense
86, Roma.

Сев. Ам. С. Ш. — а) в Обще-Кадетском
Объединении у В. А. Высоцкого, 410,
Riverside Drive Ap. 103 A. New-York 25. б) в
Обще-Кадетском Объединении у Г. А.
Куторга — 272, 2 Avenue San-Francisco 18,
в) у С. А. Кашкина — 30-11, Parsons bld.,
Ap. 2 X, Flushing 54, N.-Y.

Канада — у Б. Л. Орешкевича, 167, Chisholm
Ave Toronto 13, Ont.

Австралия — а) у В. Ю. Степанова, 57, rue
Bruce, Stanmor (N.S.W.); б) у Н. А. Косач,
16, Valmai Ave. King's Park, Adelaide, South
Australia.

Венецуэла — у К. А. Келльнера — 24, av.
Sarria, Caracas.

Аргентина — у Б. Н. Ряснянского — Obli-
bado 2130, Buenos-Aires.

Литературно-политические тетради

« ВОЗРОЖДЕНИЕ »

Независимый орган национальной мысли.

37-й год издания.

Адрес редакции:

73, Avenue des Champs Elysées, Paris 8e.

« МОРСКИЕ ЗАПИСКИ »

под ред. стар. лейт. барона Г. Н. ТАУБЕ.

Вышел и разослан подписчикам №1/2 (54)
т. XIX 1961. г.

Подписная цена — 3 дол. в год.

Представитель на Францию В. В. Скрыбин,
141-ter, Avenue de Clichy. — Paris 17e.

РУССКИЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

Г. А. Д Ж У Д Ж И Е В А

« LE MAGASIN DU LIVRE »

10, rue des Carmes, Paris 5^e

ПРОДАЕТ НАШИ ЖУРНАЛЫ И ПРИ-
НИМАЕТ ПОДПИСКУ НА ВСЕ ИЗДА-
НИЯ «ВОЕННОЙ БЫЛИ»

**СБОРНИК ПАМЯТИ
ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА
ЦАРСТВЕННОГО ПОЭТА К. Р.**

ИЗДАНИЕ СОВЕТА ОБЩЕ-КАДЕТСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ.

Предварительная подписка принимается в редакции «ВЕСТНИКА»
61, rue Chardon-Lagache, Paris 16°.

Цена по подписке: зона франка — 20 нов. фр., зона фунта — 1 англ. фунт 10 шил.,
страны заокеанские — 5 америк. дол.

**ЗНАЧКИ КОНСТАНТИНОВСКОГО
АРТИЛЛЕРИЙСКОГО УЧИЛИЩА**

принимаются заказы на любое количество
по цене 5 нов. фр., в странах заокеанских
— 1 дол. 25 ц. без пересылки.

**ЗНАЧКИ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО
ОБЪЕДИНЕНИЯ**

принимаются заказы.

Цена — 2 нов. фр. 50 с. В странах заокеанских — 75 ц. без пересылки.

М. Marine, 18, rue Plumet, Paris 15°.
С.С.Р. 9325-52, Paris.

**ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
«ВОЕННОЙ БЫЛИ» № 1**

П. ПАШКОВ — Ордена и знаки отличия
гражданской войны 1917-1922 г.г.

Рисунки С. Г. Лучанинова и В. П. Ягелло
Фотографии М. Л. Бродского

Издание журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ»
отпечатана в количестве 250 нумерованных экземпляров. Цена — 6 нов. фр., в странах заокеанских — 1 дол. 50 ц.

« Сборник Российской военной поэзии »

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ ВЫПУСК II

Полковые и судовые песни и стихотворения.

Издание Обще-Кадетского Объединения, под редакцией А. А. ГЕРИНГА.

Цена: 5 нов. фр. В странах заокеанских 1 дол. 25 цент. с пересылкой.